

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 12, № 4
2025

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 12, № 4
2025

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 12, № 4
2025

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 12, № 4
2025

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплексных теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- *Владимир Иванович Аникин*, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- *Евгений Петрович Бажанов*, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Анджей Вержбицки*, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- *Светлана Михайловна Гаврилова*, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Елена Геннадьевна Гарбузарова*, д. п. н., Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
- *Майкл Глянц*, *Университет Колорадо*, США
- *Олег Евгеньевич Гришин*, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Лукаш Донай*, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- *Игорь Сергеевич Зонн*, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- *Андрей Вячеславович Ишин*, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- *Леонид Александрович Карабешкин*, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- *Балташ Нурмухамбетович Карипов*, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- *Олег Геннадьевич Карпович*, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Геннадий Владимирович Косов*, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- *Андрей Геннадьевич Костяной*, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- *Елена Михайловна Кузьмина*, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
- *Зульфья Махмаднаби Курбонова*, д. п. н., Международный университет туризма и предпринимательства, Душанбе, Таджикистан
- *Рустам Мамедов*, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Динь Ле Хонг Занг**, к. п. н., Центр изучения России и стран СНГ при Институте европейских и американских исследований Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириянц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.12.2025
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

• **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

• **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

• **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

• **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

• **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

• **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

• **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

• **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

• **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

• **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

• **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

• **Elena G. Garbuzarova**, Doctor of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

• **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

• **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

• **Dinh Le Hong Giang**, PhD in Political Science, Centre for Russian and CIS Studies, Institute for European and Americas Studies, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Zulfiya M. Qurbonova**, Doctor of Political Science, International University of Tourism and Entrepreneurship, Dushanbe, Tajikistan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevskaja str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.12.2025
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

- Политика США в Центральной Азии:
основные итоги и перспективы.....288**
Сергей С. Жильцов
- Деятельность ОДКБ и СНГ в борьбе с наркотрафиком
и организованной преступностью в Центральной Азии.....297**
Комрон Х. Рахимов, Анастасия С. Пономарева, Дарья И. Фофанова
- Эволюция политики Японии в Центральной Азии.....314**
Мами Коидэ
- Политика Португалии в отношении стран
постсоветского пространства (на примере России).....327**
Вадюшка В. Велиньо Родригес

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Роль Центральной Азии
в энергетической стратегии Турции.....341**
Дина Толеген

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Проблема интеллектуальной безопасности России.....352**
Ирина А. Дмитриева

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

- К 340-летию заключения в Москве «Вечного мира»:
геополитические судьбы украинского пространства
в метаисторической перспективе.....365**
Андрей В. Ишин

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

- US policy in Central Asia:
key results and prospects..... 288**
Sergey S. Zhiltsov
- The activities of the CSTO and the CIS in the fight
against drug trafficking and organized crime in Central Asia..... 297**
Komron Kh. Rakhimov, Anastasiia S. Ponomareva, Daria I. Fofanova
- The evolution of Japan’s policy in Central Asia..... 314**
Mami Koide
- Portugal’s Policy towards the Post-Soviet States
(with a Focus on Russia)..... 327**
Vadyuska V. Velhinho Rodrigues

ECONOMY

- The Role of Central Asia
in Turkey’s Energy Strategy..... 341**
Dina Tolegen

POLITICS

- The problem of Russian intellectual security..... 352**
Irina A. Dmitrieva

HISTORY AND RELIGION

- On the 340th anniversary of the signing of the “Eternal peace” in Moscow:
the geopolitical fate of the Ukrainian space
in a metahistorical perspective..... 365**
Andrey V. Ishin

Политика США в Центральной Азии: основные итоги и перспективы

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия;

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: США последовательно расширяют свое присутствие в странах Центральной Азии. Регион привлекает США не только своим географическим положением, но и наличием значительных запасов природных ресурсов, в которых остро нуждается американская промышленность. В последние годы в число ключевых ресурсов вошли редкоземельные металлы. Интерес к ним со стороны США определяется их значением для высокотехнологичных производств. Страны Центральной Азии обладают запасами редкоземельных металлов. Соответственно, США рассчитывают за счет использования потенциала центральноазиатских государств снизить зависимость от Китая. Помимо интереса к сырьевым ресурсам, американская сторона добивается от Центральной Азии расширения торгово-экономического взаимодействия, но исходя, прежде всего, из интересов США, а также корректировки внешнеполитического курса центральноазиатских государств. Для стран Центральной Азии сотрудничество с США представляет возможности диверсифицировать внешнеполитические связи. В статье делается вывод, что политика США направлена на дальнейшее закрепление стран Центральной Азии в орбите американских интересов. Для стран Центральной Азии сотрудничество с США представляет возможности диверсифицировать внешнеполитические связи. В статье делается вывод, что политика США направлена на дальнейшее закрепление стран Центральной Азии в орбите американских интересов. Для этого используются различные механизмы: как многостороннее взаимодействие, так и сотрудничество на двусторонней основе. США рассматривают страны Центральной Азии исключительно через призму сырьевой составляющей, а также в качестве государств, которые будут способствовать решению проблем, накопившихся в американской экономике. В перспективе США намерены более активно продвигать свои интересы за счет использования политического давления на страны региона и расширения с ними экономического взаимодействия.

Ключевые слова: США, Центральная Азия, редкоземельные металлы, многостороннее сотрудничество, Китай

Для цитирования: Жильцов С.С. Политика США в Центральной Азии: основные итоги и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(4):288–296. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-288-296>

Поступила 02.12.2025

Принята в печать 18.12.2025

Опубликована 30.12.2025

US policy in Central Asia: key results and prospects

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,
serg.serg56@mail.ru

Abstract: The United States is consistently expanding its presence in Central Asia. The region seems attractive to the US because of its geographic location and significant natural resource reserves which American industry urgently needs. In recent years, rare-earth metals have become key resources. The US interest is driven by their importance for high-tech industries. Central Asian countries possess reserves of rare-earth metals. Therefore, the US hopes to reduce its dependence on China by using the potential of these countries. In addition to its aspirations for natural resources, Washington seeks expanded trade and economic cooperation with Central Asia, primarily based on the US interests and the adjustment of foreign policy pursued by Central Asian states. For the regional countries, interaction with the US offers opportunities to diversify foreign affairs. The article concludes that Washington's strategy is aimed at further cementing Central Asian countries within the orbit of American interests. Various mechanisms are being used for this purpose, including multilateral and bilateral cooperation. The US assesses Central Asian states solely through the prism of their raw materials and sees them as countries that will contribute to resolving the problems accumulated in the American economy. In the future, the US will intend to promote its interests more actively by using political pressure on the regional countries and expanding economic cooperation with them.

Keywords: United States, Central Asia, rare-earth metals, multilateral cooperation, China

For citation: Zhiltsov S.S. US policy in Central Asia: key results and prospects. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(4):288–296. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-288-296>

Received 02.12.2025

Revised 18.12.2025

Published 30.12.2025

ВВЕДЕНИЕ

Политика США в отношении Центральной Азии прошла эволюцию. Подходы американской стороны менялись в зависимости от того, кто приходил к власти в Белом доме в последние десятилетия.

В начале XXI века США много внимания уделяли Центральной Азии на экспертном уровне, присматриваясь к региону, роль которого значительно повысилась в значительное десятилетие [1]. При этом

большинство американских экспертов занимали позиции, что регион представляет собой отсталые государства и в плане энергетических ресурсов не может претендовать на то, чтобы составить конкуренцию Персидскому заливу, который являлся одним из основных производителей нефти и газа [2]. Тем не менее, стратегические интересы США в регионе фокусировались на безопасности, демократии и доступу к энергоресурсам. В 2005 году была выдвинута концепция Большой Центральной Азии, куда «помимо пяти центрально-азиатских государств стали включать и Афганистан (с привлечением Индии и Пакистана) [3].

Кардинальные изменения произошли в сентябре 2015 года, когда госсекретарь США Джон Керри встретился с министрами иностранных дел пяти стран Центральной Азии на территории Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Затем, в течение двух месяцев госсекретарь посетил пять стран Центральной Азии. «Эта поездка стала первым с момента распада Советского Союза случаем, когда госсекретарь США посетил все страны Центральной Азии, что свидетельствовало о значительном повышении стратегического статуса Центральной Азии во внешней политике США в этот период» [4].

В том же году Вашингтон предложил использовать механизм «С5+1», который был инициирован по итогам встречи министров иностранных дел США и стран Центральной Азии. Она состоялась в Самарканде (Узбекистан) 1 ноября 2015 года. В ходе встречи стороны

подписали Совместную декларацию о партнерстве и сотрудничестве. В документе был закреплен механизм «С5+1», который «предусматривал регулярные встречи министров иностранных дел с целью углубления многостороннего сотрудничества»¹.

Дальнейшая политика США в отношении Центральной Азии не отличалась последовательностью и эффективностью. Приход к власти Д. Трампа привело к переосмотру подходов со стороны американской стороны. В итоге США отказались от продолжения стратегии, которую продвигала администрация Б. Обамы, хотя в целом и не снизили внимания к региону [5]. В результате США не стали уделять внимания реализации механизма «С5+1». Тем не менее, в сентябре 2019 года прошла встреча министров иностранных дел в рамках механизма «С5+1». По итогам встречи было выпущено совместное заявление.

В 2020 году США усилили внимание к Центральной Азии. Была разработана и опубликована «Стратегия Соединенных Штатов для Центральной Азии на 2019–2025 годы: продвижение суверенитета и экономического процветания»². В стратегии были сформулированы шесть стратегических целей: поддержка и укрепление суверенитета и независимости государств Центральной Азии по отдельности и как региона; снижение угрозы терроризма в Центральной Азии; расширение и сохранение поддержки стабильности в Афганистане; поощрение связей между Центральной Азией и Афганистаном; продвижение реформы верховенства

¹ Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America. 01. 11.2015. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/11/249050.htm> (дата обращения: 24.10.2025)

² United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). 05.02.2020. <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (дата обращения: 11.09.2025)

закона и уважения прав человека; продвижение инвестиций и развития США в Центральной Азии³. Документ продемонстрировал «позитивное направление развития стратегии США в отношении Центральной Азии и свидетельствует о том, что этот регион приобретает всё более значительный вес во внешней политике США» [6].

После 2022 года, начала Специальной военной операции на Украине, США активизировали свою политику на центральноазиатском направлении. Причиной служили экономические факторы, связанные с усилением внимания к региону, а также геополитическая заинтересованность США расширить своё присутствие в странах Центральной Азии. По этой причине в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной 5 октября 2022 года, подчеркивалось, что «Центральная Азия – это геостратегический регион, важный для национальной безопасности Соединённых Штатов независимо от уровня их активности в Афганистане»⁴. «Особенностью политики США в отношении государств Центральной Азии стало стремление комплексно ослабить их связи с Россией и Китаем в экономике, политике, культурно-гуманитарном и военно-техническом сотрудничестве» [7].

В феврале 2023 года госсекретарь США Блинкен совершил визит в регион. Он посетил Казахстан и Узбекистан, а также провел встречу министров иностранных дел стран по формуле «С5+1». В ходе встречи был представлен «подробный

план сотрудничества в трех областях: экономике, энергетике и в сфере безопасности окружающей среды, а также уделено внимание правам человека и правам женщин и детей в Центральной Азии»⁵.

Первая встреча на высшем уровне прошла в формате США - Центральная Азия в сентябре 2023 года и завершилась подписанием совместного заявления⁶. Подобный механизм сотрудничества представлял для американской стороны интерес, поскольку позволил донести до стран региона позицию США. Во время саммита «С5+1» «Джо Байден заявил, что США заинтересованы в увеличении финансирования проектов, развивающих энергетическую безопасность стран Центральной Азии» [8].

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

В последние годы интерес США к Центральной Азии последовательно возрастал. Помимо геополитического значения региона, для американской стороны большое значение имело географическое расположение Центральной Азии – близость к России, Китаю и Ирану, которые по разным причинам находились в фокусе внимания США [9]. Через территорию центральноазиатских стран проходят транспортные коридоры, связывающие Китай с ЕС. В последнее время повышенное внимание США стали уделять редкоземельным металлам, месторождения которых расположены на территории стран Центральной Азии [10].

В ноябре 2025 года состоялся второй саммит «США-Центральная Азия».

³ Там же

⁴ The White House. The 2022 National Security Strategy. October 12, 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).

⁵ Joint Statement on the C5+1 Ministerial in Astana. 09.03.2023. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-c51-ministerial-in-astana/> (дата обращения: 19.10.2025)

⁶ США и страны Центральной Азии заявили о сотрудничестве по безопасности. 22.09.2023. <https://ria.ru/20230922/sotrudnichestvo-1897911930.html?ysclid=mlduqh2n9u508513212> (дата обращения: 14.11.2025)

Мероприятие проходило в США и использовалось американской стороной для укрепления своих позиций в Центральной Азии, которая в последние годы находится в фокусе внимания официального Вашингтона. По словам американского президента, «прежде американские власти «полностью игнорировали этот невероятный и чрезвычайно богатый регион, но нынешняя администрация исправляет эту ошибку. Я намерен сделать партнерство Америки с каждой из этих стран крепче, чем когда-либо прежде»⁷.

В реализации своей политики в регионе США опираются на документ, который был разработан еще в первый срок пребывания в Белом доме Д. Трампа. В документе «Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019–2025 годы»⁸ подчеркивается, что регион имеет для США большое значение. В качестве основных задач американской политики определены: «способствование укреплению самостоятельности, независимости и суверенитета стран ЦА, обеспечение безопасности и стабильности в регионе, в первую очередь, посредством сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом; способствование экономическому развитию и рыночных механизмов, а также интеграции в мировые рынки, в том числе, посредством поддержки альтернативных логистических проектов и расширения присутствия американского бизнеса; укрепление демократических институтов и человеческих свобод»⁹.

Повышенное внимание американской стороны к региону объясняется возросшей конкуренцией со стороны Китая, России, ЕС и других внерегиональных акторов, которые также продвигают в Центральной Азии свои интересы. Например, ЕС и Китай заинтересованы в более активное вовлечение стран региона в инфраструктурные проекты, которые обеспечат устойчивые поставки товаров между двумя крупными экономиками. Россия активизировала свою политику в Центральной Азии, расширяя торгово-экономическое взаимодействие со странами региона. В итоге, страны Центральной Азии находятся в фокусе внимания многих внерегиональных государств, что вынуждает их маневрировать между США и другими центрами силы.

ИТОГИ САММИТА

Помимо многостороннего формата взаимодействия, который стал использоваться относительно недавно, США активно используют двусторонние отношения со странами Центральной Азии. Каждому из центральноазиатских государств американская сторона предлагает свою повестку. Так, в ходе саммита США достигли договоренности с каждым из центральноазиатских государств. В частности, с Узбекистаном была достигнута договоренность о добыче на территории этой страны редкоземельных металлов. Так, были подписаны соглашения о сотрудничестве по производству редкоземельных элементов между Министерством

⁷ Какие сделки лидеры Центральной Азии заключили с Трампом в Белом доме. 07.11.2025. <https://www.rbc.ru/politics/07/11/2025/690e15669a79472af8f882dd> (дата обращения: 14.11.2025)

⁸ Стратегия США в Центральной Азии на 2019-2025 годы. https://uz.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/78/20200206_US_STRATEGY_FOR_CENTRAL_ASIA_20192025_Russian.pdf (дата обращения: 14.11.2025)

⁹ Там же

геологии и компанией Denali Exploration group и о сотрудничестве по реализации проектов в сфере редкоземельных металлов между Фондом реконструкции и развития Узбекистана и компанией Re Element Technologies¹⁰. Данные документы направлены на реализацию США курса, который предполагает ослабления своей зависимости от Китая.

Аналогичное соглашение было подписано с Казахстаном. Так, «в Карагандинской области с ориентировочными запасами редкоземельных металлов в 20 миллионов тонн, что сразу поставило республику на третье место по наличию этих металлов в мире. В общей сложности, по данным американцев, в РК имеется 5 тысяч участков с залежами различных элементов РЗМ, которые не разрабатывались»¹¹.

При этом в США считают, что страны Центральной Азии должны проводить более активную политику в отношении региона. Так, старший директор The New Lines Institute for Strategy and Policy Камран Бухари отмечал, что стратегической целью центральноазиатских государств должно стать «преобразование формата “С5+1” в полноценное стратегическое партнерство, позволяющее странам Центральной Азии укрепить связи с Западом и диверсифицировать внешнеполитические ориентиры»¹².

В подобном ключе центральноазиатские государства в целом и проводят свою политику, рассчитывая в перспективе получить не только политические,

но и экономические выгоды. Для этого страны региона стали выдвигать различные инициативы. Например, узбекский лидер предложил учредить постоянный секретариат формата «Центральная Азия – США», внедрить ряд координационных механизмов и провести следующий саммит – «саммит мира» – в Самарканде. В свою очередь, президент Таджикистана Эмомали Рахмон напомнил о ресурсах страны. В республике находятся 60% всех водных запасов Центральной Азии и стратегически важные редкоземельные металлы. Соответственно, таджикская сторона заинтересована в разработке месторождений и расширении торговли, а также в привлечении инвестиций.

В предыдущие десятилетия США делали ставку на получение доступа, контроль и обеспечение стабильного экспорта углеводородных ресурсов из Центральной Азии. В последние годы акценты американской политики претерпели изменения. Произошла диверсификация внешнеполитических задач. Наряду с сохранением внимания к углеводородным ресурсам, США значительно усилили внимание к редкоземельным металлам.

Для США интерес к странам Центральной Азии определяется долгосрочными интересами, связанными с экономическим развитием страны. Амбиции США заставляют развивать отношения со странами, которые ранее находились на периферии американской политики. В последние годы, в связи с возросшей

¹⁰ Сырьевая колонизация: США забирают себе редкоземельные металлы Узбекистана. 7.11.2025. <https://eadaily.com/ru/news/2025/11/07/amerikancy-budut-travit-pochvu-v-kazahstane-astana-dala-na-eto-dobro-ekspert> (дата обращения: 14.11.2025)

¹¹ Американцы будут травить почву в Казахстане, Астана дала на это «добро» — эксперт. 07.11.2025. <https://eadaily.com/ru/news/2025/11/07/amerikancy-budut-travit-pochvu-v-kazahstane-astana-dala-na-eto-dobro-ekspert> (дата обращения: 14.11.2025)

¹² Эксперт: США готовят сделки с Казахстаном и Узбекистаном по стратегическим минералам. 6.11.2025. <https://www.ritmearasia.ru/news--2025-11-06--ekspert-ssha-gotovjat-sdelki-s-kazahstanom-i-uzbekistanom-po-strategicheskim-mineralam-83857> (дата обращения: 14.11.2025)

конкуренцией с Китаем за контроль над редкоземельными металлами, США рассматривают любые альтернативные варианты поставок этого стратегического сырья. В этом контексте саммит «С5+1» рассматривается США в качестве важного инструмента для установления более тесного экономического сотрудничества со странами Центральной Азии именно в этой важной сфере.

Более того, США заинтересованы поставить барьер на пути дальнейшего расширения сотрудничества Китая и стран Центральной Азии в области редкоземельных металлов. Вашингтон заинтересован не только сформировать надежные пути доставки стратегически важных элементов, но и получить контроль над месторождениями, которые находятся в странах региона. В свою очередь, страны Центральной Азии намерены извлекать выгоду из обострившейся американо-китайской конкуренции в сфере редкоземельных металлов, играя на противоречиях двух стран. Соответственно, для центральноазиатских государств приоритетом является получение большей доли в цепочке создания стоимости внутри страны, а не экспорт сырой руды китайским переработчикам со скидкой. Сумеют ли центральноазиатские государства добиться поставленной цели пока неизвестно. США и Китай заинтересованы в максимально возможном снижении стоимости продукции, получаемой на территории стран Центральной Азии.

Саммит подвел черту под сотрудничеством США и Центральной Азии и наметил перспективы их дальнейшего взаимодействия. В отличие от предыдущего этапа сотрудничества, в ходе последнего мероприятия были сформулированы стратегические задачи, которые имеют принципиальное значение для США. Прежде всего, США заинтересованы

сформировать рабочие механизмы взаимодействия в области стратегических минералов и способствовать развитию производств с добавленной стоимостью.

В контексте решения данных задач для США возросло значение международных транспортных коридоров. Их развитие и последующее функционирование должно обеспечить стабильные поставки для стратегических материалов и обеспечить бесперебойную работу высокотехнологичного производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика США в отношении стран Центральной Азии прошла несколько этапов. В 1990-х годах интерес США к региону определялся наличием углеводородного потенциала, а основное внимание было привлечено к направлениям экспорта будущих углеводородных ресурсов. В XXI веке интерес США к региону формировался под влиянием различных геополитических проблем, в том числе, борьбы с терроризмом. Используя сложившуюся ситуацию, США стремились закрепить в центральноазиатских государствах, повысив свое геополитическое влияние. В последние два десятилетия политика США характеризовалась периодами повышения интереса к региону и утратой внимания.

В последние годы интерес США к региону значительно возрос. Традиционный интерес к углеводородному потенциалу дополнили вопросы, связанные с реализацией инфраструктурных проектов. Прокладка магистральных трубопроводов и осуществление транспортных коридоров, огибающих российскую территорию, находятся в фокусе внимания американской стороны.

После 2022 года США усилили внимание к Центральной Азии. Традиционные

проблемы были дополнены факторами – задачей получения доступа и контроля над редкоземельными металлами. Борьба за месторождения этого стратегически важного сырья, расположенного в регионе, повысило значение центральноазиатских государств.

В реализации своей политики США активно используют как двусторонние, так и многосторонние механизмы продвижения своих интересов. Проведение саммитов «США-Центральная Азия» на высшем уровне стало новым этапом американской политики, которая направлена на вытеснение из региона ключевых

конкурентов, к которым относятся Россия и Китая.

Есть основания предполагать, что усилия США по дальнейшему закреплению в Центральной Азии будут нарастать. Помимо редкоземельных металлов и углеводородных ресурсов, Вашингтон привлекает геополитическое положение стран региона. Установление с политической элитой центральноазиатских государств более тесных отношений рассматривается США в качестве потенциальной возможности развернуть внешнеполитический курс стран Центральной Азии и вывести их из-под влияния России и Китая.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С.С. Постсоветское пространство: итоги развития и новая конфигурация. *Центральная Азия и Кавказ*. 2018;21(3):7-19.
2. Саидмурадов А. Пусева Е. Концепция Большой Центральной Азии во внешней политике США в Центрально-Азиатском регионе. *Центральная Азия и Кавказ*. 2010;13(3):118-125
3. Тянь Р.Г. От Центральной Азии к Большой Центральной Азии: цели и корректировка стратегии США в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*. 2009;3:68-84
4. Цао Х. Анализ стратегий Китая и США в Центральной Азии: взгляд на механизм «С5+1». *Право и политика*. 2024;10:22-39. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.10.71959
5. Пономарев В. А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>
6. Шэнь С. Эволюция развития стратегического восприятия США в Центральной Азии. *Международные отношения*. 2021;9:76-87.
7. Власов Е., Дмитриева М., Воробьев П. Эволюция политики США в Центральной Азии. *Международная жизнь*. 2025;2:90-97.
8. Власов Е.Е., Дмитриева М.О. Водно-энергетические проекты США и Евросоюза в Центральной Азии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2025;27(1):80-90 <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-80-90>
9. Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в условиях роста конкуренции между США и КНР в Центральной Азии. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023;6:51-66.
10. Жильцов С.С. Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):8-19. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-8-19>

REFERENCES

1. Zhiltsov S. S. Post-Soviet space: results of development and new form. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;21(3):7-19 (In Russ.).
2. Saidmuradov A. Puseva E. The Concept of Greater Central Asia in US Foreign Policy in the Central Asian Region. *Central Asia and the Caucasus*. 2010;13(3):118-125 (In Russ.).
3. Tian R.G. From Central Asia to Greater Central Asia: Goals and Adjustments to US Strategy in Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*. 2009;3:68-84 (In Russ.).
4. Cao H. Analysis of China and US Strategies in Central Asia: A Look at the "C5+1" Mechanism. *Law and Politics*. 2024;10:22-39. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.10.71959 (In Russ.).
5. Ponomarev V. A. On the Main Directions of US Policy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459> (In Russ.).
6. Shen S. The Evolution of the Development of US Strategic Perceptions in Central Asia. *International Relations*. 2021;9:76-87 (In Russ.).
7. Vlasov E., Dmitrieva M., Vorobyov P. The Evolution of US Policy in Central Asia. *International life*. 2025;2:90-97 (In Russ.).
8. Vlasov E.E., Dmitrieva M.O. U.S. and EU water and energy projects in Central Asia. *RUDN Journal of Political Science*. 2025;27(1):80-90. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-80-90> (In Russ.).
9. Gegelashvili N.A. Washington's policy in the context of growing competition between the USA and China in Central Asia. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023;6:51-66 (In Russ.).
10. Zhiltsov S.S. Policy of Western States in Central Asia: The Role of Rare-Earth Metals. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):8-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-8-19> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов

Доктор политических наук,
Дипломатическая академия МГИМО МИД
России, Москва, Россия;
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка
53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov

Doctor of Political Sciences,
Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow,
Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow,
119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Деятельность ОДКБ и СНГ в борьбе с наркотрафиком и организованной преступностью в Центральной Азии

Комрон Х. Рахимов

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
Центр исследований постсоветских стран, Москва, Россия,
rakhimov_kkh@rudn.ru*

Анастасия С. Пономарева

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
1032240921@rudn.ru*

Дарья И. Фофанова

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
1032240394@rudn.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружества Независимых Государств (СНГ) в противодействии организованной преступности и незаконному обороту наркотических веществ на территории Центральной Азии. В статье анализируются нормативно-правовая база, механизмы сотрудничества между государствами-членами организации и мероприятия по обеспечению стабильности в регионе Центральной Азии. Был осуществлен контент-анализ учений ОДКБ за 2017–2024 гг. и эффективность операций «Канал», а также были сопоставлены результаты деятельности СНГ в правовой и координационной сферах, включая реализацию межгосударственных программ. Установлено, что ОДКБ демонстрирует устойчивую результативность в силовом противодействии угрозам, тогда как СНГ играет ключевую роль в формировании нормативных основ и информационно-аналитического сопровождения безопасности региона.

Особое внимание уделяется эффективности совместных мероприятий и проводимых мер по обеспечению безопасности на территориях стран-участников. Кроме того, в статье анализируются возможности и направления дальнейшего углубления интеграционного взаимодействия в рамках ОДКБ и СНГ. Ключевой акцент делается на формировании общего стратегического подхода к обеспечению региональной безопасности, разработке совместных программ подготовки кадров, унификации правовых норм и повышению оперативной совместимости силовых структур. Предлагается рассматривать ОДКБ и СНГ не только как инструменты военно-политического сотрудничества, но и как платформы для комплексного реагирования на трансграничные угрозы, способствующие формированию единого и устойчивого пространства коллективной

безопасности в Центральноазиатском регионе. Авторы подчеркивают важность более интенсивного развития сотрудничества между государствами. В заключении статьи формируются выводы о роли и эффективности организаций в противодействии с незаконным оборотом наркосодержащих веществ и организованной преступностью на территориях государств Центральной Азии.

Новизна исследования заключается в анализе статистических данных реализуемых программ и принимаемых нормативно-правовых актов, а также в прослеживании динамики их эффективности в рамках сотрудничества между государствами-членами ОДКБ и СНГ. В исследовании сопоставляются подходы обеих организаций к обеспечению региональной безопасности, а также оценивается эффективность существующих механизмов на основе конкретных статистических данных, отражающих результаты реализованных программ и операций за последние годы.

Ключевые слова: Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество независимых государств (СНГ), наркотрафик, Центральная Азия, военные учения и антинаркотические операции, межведомственная координация

Для цитирования: Рахимов К.Х., Пономарева А.С., Фофанова Д.И. Деятельность ОДКБ и СНГ в борьбе с наркотрафиком и организованной преступностью в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(4):297–313. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-297-313>

Поступила 02.10.2025

Принята в печать 18.12.2025

Опубликована 30.12.2025

The activities of the CSTO and the CIS in the fight against drug trafficking and organized crime in Central Asia

Komron Kh. Rakhimov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia, Center for Research on Post-Soviet Countries, Moscow, Russia,
rakhimov_kkh@rudn.ru

Anastasiia S. Ponomareva

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia,
1032240921@rudn.ru

Daria I. Fofanova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,

Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia,

1032240394@rudn.ru

Abstract: This article analyzes the activities of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Commonwealth of Independent States (CIS) in combating organized crime and illicit drug trafficking within Central Asia. The analysis covers the normative legal framework, mechanisms of cooperation among member states, and measures aimed at ensuring stability in the Central Asian region. A content analysis was conducted of CSTO exercises from 2017 to 2024 and the effectiveness of “Channel” (Kanal) operations was assessed. Moreover, the study also compared the achievements of CIS activities in legal and coordination spheres, including the implementation of interstate programs. The study establishes that the CSTO demonstrates consistent effectiveness in the forceful response to threats, while the CIS plays a key role in forming the normative foundations and providing informational and analytical support for regional security. Particular attention is paid to the effectiveness of joint activities and ongoing security measures within participating states. Furthermore, the article analyzes possibilities and directions for further deepening integration within the CSTO and CIS organizations. The key emphasis is placed on the formation of a common strategic approach to ensuring regional security, the development of joint training programs, the consolidation of legal norms, and enhancing of the operational compatibility among security forces. The article proposes to consider the CSTO and CIS not only as instruments of military-political cooperation but also as platforms for a comprehensive response to cross-border threats, thereby contributing to the formation of a unified and sustainable collective security space in the Central Asian region. The authors emphasize the importance of more intensive cooperation among states. In conclusion, the authors summarize the role and effectiveness of these organizations in countering illicit drug trafficking and organized crime within the territories of Central Asian states.

The novelty of the research lies in the analysis of statistical data pertaining to implemented programs and adopted normative legal acts, as well as in tracing the dynamics of their effectiveness within the framework of cooperation between CSTO and CIS member states. The study compares the approaches of both organizations to ensuring regional security and evaluates the effectiveness of existing mechanisms based on specific statistical data reflecting the results of implemented programs and operations in recent years.

Keywords: Collective Security Treaty Organization (CSTO), Commonwealth of Independent States (CIS), drug trafficking, Central Asia, military exercises and anti — drug operations, inter-agency coordination

For citation: Rakhimov K.Kh., Ponomareva A.S., Fofanova D.I. The activities of the CSTO and the CIS in the fight against drug trafficking and organized crime in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(4):297-313. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-297-313>

Received 02.10.2025

Revised 18.12.2025

Published 30.12.2025

ВВЕДЕНИЕ

На геополитической карте Евразии центральноазиатский регион занимает особое положение: он находится на цивилизационном стыке и образует своеобразный «мост» между Европой, Азией и ближним Востоком [1, с. 200]. В последнее время данный регион стал одним из ключевых транзитных точек для незаконного наркотрафика и, пространством действий транснациональных организованных преступных группировок. Географическая близость к Афганистану, который «является одним из крупнейших производителей героина и опия-сырца, оказывает существенное влияние на динамику наркорынка во всем мире»¹. Как выделяет в своей работе Мохаммад А.: «распространение наркотиков внутри страны может быть связана с ухудшением социально-медицинского благополучия населения, а также с угрозой развития как организованной, так и не организованной преступности и более того нелегальных потоков оружия» [2, с. 743]. Тем самым, данные процессы подрывают внутреннюю стабильность государств и несут угрозу национальной и региональной безопасности. Более того, Центральная Азия является «одним из наиболее уязвимых регионов в мире из-за его геополитического положения, отсутствие социальной стабильности, а также присутствием террористических групп» [3, с. 676].

В Центральной Азии по борьбе с вызовами безопасности ключевыми структурами на постсоветском пространстве являются Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружество независимых государств (СНГ). В борьбе с наркотрафиком и организованной преступностью каждая из них определяет свои

подходы к их противодействию. ОДКБ, являясь военно-политическим альянсом, делает акцент на военные силы, проводя совместные учения и антинаркотические операции, в то время как СНГ, делает упор на координационные и консультативные органы, акцентируя внимание на правовом сотрудничестве.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления эффективности двух организаций на фоне нарастающих рисков в Центральной Азии, а именно определение наиболее перспективных и результативных механизмов их устранения.

РОЛЬ ОДКБ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

За годы независимости стран Центральной Азии были созданы организации различного характера, «обладающие потенциалом для существенного укрепления стабильности и безопасности в регионе» [4, с. 23]. К их числу относится и организация Договора о коллективной безопасности, которая берет свое начало с заключения «Договора о коллективной безопасности, подписанный в Ташкенте (Узбекистан) 15 мая 1992 года главами государств Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. Позднее к нему присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия (1993 год)»². С 2002 года ОДКБ официально является международной региональной организацией с таким составом стран – участниц, как — Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан.

¹ ООН назвали крупнейшего производителя опиума в 2023 г. 12 декабря 2023. URL: <https://ria.ru/20231212/myanma-1915286543.html> (дата обращения: 01.06.2025).

² Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 18.08.2025).

Правовую основу функционирования структур организации определяет Устав, зарегистрированный в ООН от 17.10.2002. В нем «прописаны ключевые цели организации, связанные с содействием миру и безопасности на разных уровнях, а также с совместной защитой независимости и суверенитета стран-участниц» [4, с. 24]. Согласно Уставу, основными принципами организации являются: «приоритет политических средств перед военными, неукоснительное уважение независимости, добровольность участия, равенство прав и обязанностей государств-членов, невмешательство в дела, подпадающие под национальную юрисдикцию государств-членов»⁵.

В условиях роста транснациональных угроз, таких как наркотрафик и организованная преступность, особенно в Центральной Азии, ОДКБ усиливает свое участие в противодействии данным вызовам, применяя широкий спектр своих инструментов. Первая ее работа в данном регионе началась в мае 2001 года с участия Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР), а спустя восемь лет лидеры стран на московском саммите одобрили создание Коллективных сил оперативного реагирования, согласно документу в их функции входило «применение для защиты военной агрессии, проведение операций по борьбе с нарастающими угрозами и др.»⁴.

УЧЕНИЯ ОДКБ В РЕГИОНЕ

Одним из основных инструментов ОДКБ для укрепления региональной безопасности являются военные учения, которые проходят каждый год на полигонах стран-участниц. Основная их специфика состоит в том, что там задействуются как КСОР, так и другие специализированные подразделения, включая медицинские, материально-технические и другие части. «Учения были призваны показать, что страны ОДКБ готовы действовать сообща для защиты своих интересов и обеспечения стабильности в регионе»⁵.

Существует множество видов учений ОДКБ, в зависимости какую цель они себе ставят для достижения в них. Так, например, если тематика учений - отражение вторжения незаконных вооруженных формирований и стабилизация обстановки на южных рубежах, то проводят «Рубеж». 21 октября 2024 года «в Таджикистане на полигоне «Харбмайдон» завершилась активная фаза совместного учения «Рубеж-2024» с Коллективными силами быстрого развертывания Центральноазиатского региона (КСБР ЦАР)»⁶. Эти же учения прошли «на территории Кыргызской Республики 20 сентября 2025 года, под названием «Рубеж-2025», где приняли участие страны Центральной Азии и были отработаны совместные действия против незаконных вооруженных формирований и террористических угроз»⁷.

⁵ Устав организации Договора о коллективной безопасности (утв. 7.10.2002; с изм. и доп., внесенными Протоколами от 10.12.2010 г. и 8.11.2018 г.). URL: https://odkb-csto.org/documents/%20documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti_#loaded (дата обращения: 18.10.2025).

⁴ Роль ОДКБ в обеспечении коллективной безопасности. 14 июня 2009. URL: <https://ir.rudn.ru/books/b1/p2/18.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).

⁵ ОДКБ расчехляет оружие и посылает Западу сигнал. 11 апреля 2025. URL: <https://odkb.news/40371-odkb-raschehljaet-oruzhie-i-posylaet-zapadu-signal.html> (дата обращения: 27.09.2025).

⁶ В Таджикистане завершены учения ОДКБ. 21 октября 2024. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-zavershilas-aktivnaya-faza-sovmestnogo-ucheniya-rubezh-2024/#loaded (дата обращения: 18.09.2025).

⁷ В Киргизстане завершены учения ОДКБ. 20 сентября 2025. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-kyrgyzstane-zavershilas-aktivnaya-faza-komandno-shtabnogo-ucheniya-s-kollektivnymi-silami-bystrogo/#loaded (дата обращения: 21.09.2025).

Для операций, связанных с миротворчеством, проводят «Нерушимое братство», оно включает в себя элементы международного права, а также моделирование гуманитарных кризисов. В октябре 2025 года пройдут эти учения в Таджикистане. Для профильных учений материально-технического обеспечения, а также организации бесперебойной поддержки боевых подразделений проводят учения «Эшелон». Что касается отработки разведывательных операций, то проводят «Поиск», а в борьбе с терроризмом и организованной преступностью – «Кобальт». Так, «в 2024 году в Кыргызстане был отработан второй этап командно-штабного учения «Взаимодействие-2024», специальных учений «Поиск-2024» и «Эшелон-2024», в ходе которого осуществлялась подготовка совместной операции Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ по разрешению вооруженного конфликта в Центральноазиатском регионе»⁸. В 2025 году все три учения «Взаимодействие-2025», «Поиск-2025» и «Эшелон-2025» прошли в Белоруссии, где было задействовано «более 2000 военнослужащих и 450 единиц вооружения, военной и специальной техники»⁹. А в Казахстане специальные тренировки с органами управления и формирования сил специального назначения КСОР ОДКБ «Кобальт – 2025»¹⁰.

Для более эффективного анализа учений ОДКБ в Центральной Азии было

выбрано систематическое изучение текстовых источников, которые непосредственно связаны с ними. Важное значение применительно к контент-анализу имеет идентификация корпуса источников — совокупности документов, которые станут подвергаться количественной обработке [5, с. 190–191]. Благодаря контент-анализу, можно проследить характерные черты и доминирующие тенденции в подходе организации в обеспечении безопасности на территории данного региона. Источниковой базой являются материалы, которые каждый раз после учений публикуются на официальном сайте ОДКБ. В анализе авторами были выделены такие системы категорий (классов), как приоритеты организации на учениях, географический аспект и результаты. В качестве временных рамок для контент-анализа стали года с 2017 по 2024, так как они охватывают «Стратегию коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года»¹¹ от 18.10.2016 года. Ключевой целью которой является обеспечение коллективной безопасности государств — членов ОДКБ и соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права. Более того, с 2017 года доступность официальных источников об эффективности учений и борьбы с наркотрафиком стала более доступной, так как ранее эти результаты ограничивались сообщениями в СМИ.

⁸ В Киргизстане завершились учения ОДКБ. 11 сентября 2024. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-kyrgyzstane-zavershilas-aktivnaya-faza-ucheniy-odkb-vzaimodeystvie-2024-poisk-2024-eshelon-2024/#loaded (дата обращения: 18.09.2025).

⁹ В Белоруссии завершились учения ОДКБ. 6 сентября 2025. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-belarusi-zavershilas-aktivnaya-faza-ucheniy-odkb-vzaimodeystvie-2025-poisk-2025-i-eshelon-2025/#loaded (дата обращения: 9.09.2025).

¹⁰ Единое информационное пространство СНГ. 10 февраля 2025. URL: <https://e-cis.info/news/568/124918/> (дата обращения: 18.09.2025).

¹¹ Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 / утв. решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14. 10. 2016 г. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 20.08.2025).

В ходе анализа первой системы категорий – приоритеты ОДКБ на учениях – были выявлены повторяющиеся формулировки: «формирование миротворческих сил, поддержание мира», «применение средств разведки вооруженных сил», «уничтожение незаконных вооруженных формирований», «организация материально – технического обеспечения», «локализация приграничного вооруженного конфликта», «отработка сценариев коллективной обороны», а также «защита государственных границ». Более того, в 2018 году впервые были проведены учения Коллективных авиационных сил ОДКБ «Воздушный мост». Тем самым, это свидетельствует о быстрой реакции организации к изменяющимся кризисам, характерных для Центральной Азии.

Географический аспект, в основном, сосредоточен на полигонах Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана, так как они находятся рядом с зонами нестабильности. В 2021 году в Таджикистане проводили три учения одновременно, из-за непростой ситуации в Афганистане и тенденции к обострению, как подчеркивал начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Таджикистан генерал-лейтенант Эмомали Собирзода.

После каждого учения начальник Объединенного штаба Организации Договора о коллективной безопасности Анатолий Сергеевич Сидоров (с ноября 2023 года эту должность занимает Андрей Николаевич Сердюков) подчеркивал важность и выражал всем благодарность за успешные учения. Проанализировав все его интервью до 2023 года и после его преемника, можно заявить, что все учения ОДКБ проходили успешно, достигнув всех своих целей. Особенно в 2022 году в Казахстане, где перед группой стояла задача отразить наступление «противника»

и нанести ему максимальный ущерб, в результате прекрасной работы, «враг» был разгромлен. По окончании активных действий состоялось награждение отличившихся военнослужащих и прошла торжественная церемония закрытия учений.

Таким образом, контент анализ продемонстрировал основные характерные черты учений, которые отражают не только взаимодействия стран внутри организации, но и стремление к практическому укреплению отношений, а также адаптацию к меняющимся угрозам в современном мире. С каждым временным промежутком приоритеты учений только расширяются, что свидетельствует о стремлении организации к усилению своей роли в обеспечении региональной безопасности.

АНТИНАРКОТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ОДКБ «КАНАЛ»

На данный момент «преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, превратилась в транснациональную проблему всего человечества» [6, с. 175]. По географическому положению, почти все государства – члены находятся на передовых рубежах борьбы с трансграничной наркопреступностью, поскольку через их территорию проходит, так называемый «Северный маршрут» афганского наркотрафика, «который представляет собой магистральное направление из совокупности маршрутов, следующих через Таджикистан, Кыргызстан, Россию и далее через Украину, Белоруссию, либо страны Прибалтики в Восточную Европу» [7, с. 2]. По мнению соискателя кафедры политологии и права Московского государственного областного университета А.Т. Хабалова: «наркоторговля представляет серьезную глобальную проблему, а также является для «про-

летариатов наркобизнеса» единственной возможностью для существования жителей Центрально Азиатского региона» [8, с. 3].

Так, с 2003 года ОДКБ проводит операции под названием «Канал», в которых задействованы правоохранительные органы, спецслужбы и таможенные ведомства стран-участниц. С 2008 года они функционируют как региональные антинаркотические операции на постоянной основе, спустя пять лет своего существования.

СНГ И ЕЕ ВКЛАД В БОРЬБУ С ВЫЗОВАМИ И УГРОЗАМИ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ

Не менее важное место в Центральной Азии занимает региональная международная организация — Содружество Независимых Государств. Организация была создана после распада Советского Союза в 1991 году. 8 декабря 1991 года в городе Минск (Беларусь) было подписано «Соглашение о создании СНГ» между Россией, Беларуссией и Украиной¹², позднее к Соглашению присоединились еще девять государств¹³. Тем самым в состав СНГ по состоянию на 1993 год входили Азербайджан, Армения, Беларуссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина и Грузия¹⁴. Грузия вышла из Содружества в 2009 году, Украина отозвала

своих представителей в 2014 году, Молдова фактически перекрестила свое участие в деятельности СНГ в 2022 году¹⁵.

Одним из приоритетных направлений региональной международной организации является сотрудничество в сфере борьбы с организованной преступностью, что закреплено в статье 4 Устава СНГ¹⁶. Во-первых, в рамках Организации была принята международно-правовая база противодействия преступности в СНГ, где между государствами-членами были подписаны программы по основным направлениям сотрудничества: «договоры по сотрудничеству в сфере борьбы с организованной преступностью; договоры по борьбе с терроризмом; договоры, направленные на противодействие наркотрафику; договоры, направленные на урегулирование незаконной миграции, а также другие акты связанные с противодействием новым вызовам и угрозам в сфере безопасности»¹⁷.

Кроме программ и соглашений по урегулированию вопросов, связанных с обеспечением региональной безопасности, государства-члены СНГ также вырабатывают международные стандарты и рекомендации по обеспечению противодействия преступности, которая в свою очередь подразделяется на борьбу в международной сфере и на общеуголовную преступность [9, с. 89-90]. Так, например, в 1993

¹² Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (г. Минск, 8 декабря 1991 года). URL: <https://eccis.org/page/176/soglasenie-o-sozdanii-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-gminsk-8-dekabra-1991-goda> (дата обращения: 16.08.2025).

¹³ О Содружестве Независимых Государств. URL: <https://eccis.org/page/174/o-sodruzestve-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁴ О Содружестве Независимых Государств. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturnye-prostranstva-sng/sng/1813264/ (дата обращения: 16.08.2025).

¹⁵ О развитии сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturnye-prostranstva-sng/2001527/ (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁶ Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 года). URL: <https://eccis.org/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁷ О деятельности СНГ в сфере борьбы с преступностью. 19 июля 2019. URL: <https://eccis.org/news/11633/o-deatelnosti-sng-v-sfere-borby-s-prestupnostu> (дата обращения: 16.09.2025).

году было создано «Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ»¹⁸ (БКБОП), целью данного Бюро является обеспечение эффективности взаимодействия МИДов и органов государственной власти стран-членов СНГ¹⁹. Функционал БКБОП в основном нацелен на информирование государств-членов международной региональной организации о совершенных преступлениях и их участников [9, с. 91]. Кроме борьбы с организованной преступностью, Бюро также нацелено на противодействие наркотрафика и психотропных веществ, в рамках которого проводятся мероприятия по пресечению и изъятию запрещенных веществ, а также привлечению к уголовной ответственности лиц причастных к сбыту наркотических средств²⁰.

Помимо Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ, в рамках организации в 1996 году был создан «Совет министров внутренних дел государств-участников

СНГ» — СМВД, который выполняет координирующую функцию по противодействию преступности²¹. Орган проводит ежегодные и внеочередные заседания, на которых обсуждаются вопросы повестки дня, вследствие чего принимаются и подписываются решения²².

Также в рамках организации созданы и другие органы, регулирующие сферу безопасности стран-участников СНГ, к ним относятся: Совет руководителей органов безопасности и спецслужб государств-участников СНГ (СОРБ), созданный в 1991 году, и антитеррористический центр государств-участников СНГ (АТЦ СНГ), который был образован в 2000 году. СОРБ включает в себя 6 комиссий, деятельность которых направлена на «координацию органов безопасности и специальных служб, рассмотрение вопросов в сфере борьбы с организованной преступностью»²³ на мировой арене. Деятельность Совета также нацелена на выработку прогноза развития угроз организованной преступности²⁴. Антитеррористический центр государств-участников СНГ тоже выполняет координирующую функцию, направленную

¹⁸ Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ. URL: <https://мвд.рф/folder/1822809> (дата обращения: 18.09.2025).

¹⁹ Там же.

²⁰ О деятельности СНГ в сфере борьбы с преступностью. 23 июля 2019. URL: <https://e-gorod.ru/%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D1%81%D0%BD%D0%B3-%D0%B2-%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D1%8B-%D1%81-%D0%BF%D1%80%D0%B5/> (дата обращения: 20.09.2025).

²¹ Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ (СМВД). URL: <https://eccis.org/page/13818/sovet-ministrov-vnutrennih-del-gosudarstv-uchastnikov-sng-smvd?ysclid=m9yihx9p11567913707> (дата обращения: 20.09.2025)

²² О деятельности Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств. 19 июля 2019. URL: <https://eccis.org/news/12558/o-deatelnosti-soveta-ministrov-vnutrennih-del-gosudarstv---uchastnikov-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 22.09.2025).

²³ Информация о деятельности Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3134/77470/?ysclid=ma24wurphb327615245> (дата обращения: 25.09.2025).

²⁴ Там же.

на взаимодействие компетентных органов государств СНГ²⁵. Деятельность АТЦ СНГ подразделяется на пять направлений: организационно-правовая деятельность, координационно-оперативная деятельность, информационно-аналитическая деятельность, учебно-методическая и научно-организационная деятельность, и международное сотрудничество²⁶.

Немаловажным органом стран Содружества Независимых Государств выступает Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ (МПА СНГ), который отвечает за разработку и принятие правовых основ и законодательных актов, носящий рекомендательный характер²⁷. Основным направлением деятельности МПА СНГ служит формирование единого правового пространства стран-участников СНГ для принятия рекомендательных нормативно-правовых актов по вопросам, представляющих взаимный интерес. Так на базе данного органа было принято порядка 400 актов [4, с. 39]. Кроме того, орган нацелен на расширение международного сотрудничества среди стран-членов Содружества по вопросам региональной безопасности и борьбе с терроризмом, в рамках которого вырабатываются совместные решения по их противодействию [10, с. 40].

Таким образом, деятельность Содружества Независимых Государств и компетентных органов, образованных в рамках Организации, носит в основном координирующий и информационный характер.

Это связано с тем, что в статье 4 Устава СНГ государства-члены Содружества реализуют совместную деятельность на равноправной основе через координирующие организации, следовательно, роль СНГ заключается в создании организационно-правовой базы противодействия организованной преступности и наркотрафику на территориях стран-участников. Кроме того, у государств, входящий в состав СНГ, есть отдельные компетентные органы, которые осуществляют целенаправленную политику по противодействию вызовам региональной стабильности. Также, сотрудничество между государствами-членами Содружества в борьбе с наркотрафиком и террористической угрозой должно привести к решению данных проблематик, что может быть достигнуто, например, за счет укрепления потенциала антитеррористического сил и их реагирования (антитеррористические учения России и Таджикистана в 2017 году) [11, с. 498].

Правовую базу сотрудничества стран-участников СНГ определяет Устав СНГ, принятый 22 января 1993 года. Основными целями СНГ являются:

- «сотрудничество во всех сферах жизнедеятельности общества;
- всестороннее и равномерное развитие государств-участников;
- обеспечение безопасности и мировой стабильности;
- соблюдение прав и свобод общества;
- помощь и мирное разрешение споров»²⁸.

²⁵ Антитеррористический центр государств-участников СНГ (Справочная информация). 20 июля 2007. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1684434/ (дата обращения: 25.09.2025).

²⁶ Деятельность / Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://www.cisatc.org/1289> (дата обращения: 25.09.2025).

²⁷ Межпарламентская Ассамблея: главная площадка для взаимодействия парламентариев СНГ. URL: https://iacis.ru/ob_organizacii/cto_takoe_mpa_sng (дата обращения: 26.09.2025).

²⁸ О Содружестве Независимых Государств. 10.07.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1813264/ (дата обращения: 01.08.2025).

Всего в рамках нормативно-правовой базы Содружества Независимых Государств принято 7001 документ, из них 1000 документов утратили силу и 34 документа не вступили в силу. В период 1991-2000 гг. было принято 1868 документов, 1263 из которых действующие; 2001-2005 гг. было принято 1242 документа, где 1006 действуют по сей день; 2006-2010 гг. — 1191 принято, 1057 действующих; 2011-2015 — принято 874 документа, действуют на данный момент 867; 2016-2025 гг. было принято 705 документов, из них 694 действуют по настоящее время. В общей сложности за период с 1991-2025 гг. было издано 195 документов по борьбе с преступность, терроризмом и наркотрафиком, из них 38 документов утратили силу и 2 документа так и не вступили в силу²⁹.

Отдельно по каждой категории можем наблюдать следующую картину: лидером среди принятия и подписания модульных договоров и соглашений является сфера противодействия организованной преступности. Всего было издано 48 документов, из которых 22 утратили силу на сегодняшний момент. Следующей важной сферой является борьба с террористической угрозой, в рамках этой сферы было заключено 27 документов, 6 из которых утратили силу. Третью строчку занимает сфера по противодействию незаконному обороту наркотических и психотропных веществ — 17 документов, 9 — утратили силу. Таким образом, координирующая деятельности Содружества Независимых

Государств в основном нацелена на борьбу с организованной преступность³⁰.

В 2024 году данные о состоянии преступности СНГ не были опубликованы, однако прогнозировалось, что в период 2024 г. продолжится тенденция к снижению уровня преступности на территориях государств-членов Содружества, ожидалось, что в 2024 году будет зарегистрировано около 2406 тыс. преступлений.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СНГ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Одной из главных задач Содружества Независимых Государств служит обеспечение безопасности на территориях бывшего Советского Союза. Организованная преступность, экстремизм и торговля наркотическими веществами являются основными вызовами стабильности в государствах-участниках. Центральная Азия — это регион, который граничит с крупными поставщиками наркотиков и психотропных веществ, к таким государствам относятся Афганистан, который является лидером по незаконной плантации опиумного мака [12, с. 23], также лидером по производству и поставкам наркотических и психотропных веществ является Иран (по данным на 2023 год было изъято 10,3 т героина, 37,2 т метамфетамина, 76,6 т смолы каннабиса)³¹. Кроме того, регион расположен среди государств, являющихся лидерами по глобальному индексу терроризма, к ним относятся Пакистан (занимающий второе место, индекс государства составляет 8.374), Афганистан (находящийся на девятой строчке — 7.262),

²⁹ Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/> (дата обращения 02.08.2025).

³⁰ Там же.

³¹ Report of the International Narcotics Control Board for 2024 (E/INCB/2024/1). URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2024/Annual_Report/E-INCB-2024-1-ENG.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Ирак (тринадцатое место с индексом 6.582) и Иран (восемнадцатое место — 6.056)³². Тем самым основной целью Содружества выступает разработка и координация мер по противодействию преступности в регионе.

СНГ является региональной международной организацией, которая выполняет координирующую роль в противодействии вызовам стабильности и безопасности на территориях государств-участников Содружества. Для этого на базе СНГ были созданы органы и комитеты, которые специализируются на разработке и принятии мер по борьбе с организованной преступностью и транспортировкой наркотиков через границы государств, а также деятельность Содружества нацелена на сотрудничество между странами-участниками по противодействию с вызовами и угрозами, связанными с преступностью.

Так, по данным официального сайта исполнительного комитета СНГ в 1992 году государства-участники СНГ заключили «Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью»³³, которое в том числе направлено на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств. Следующее

межправительственное «Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью»³⁴ было заключено в 1998 году, его цель заключается в выявлении и пресечении незаконного оборота наркотиков. В 2000 году было заключено новое соглашение «о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»³⁵, оно стало первым модульным соглашением, направленным на борьбу с незаконным оборотом наркотических веществ. Кроме того, в 2002 году был создан документ, определяющий политику развития деятельности стран-участников Содружества по противодействию незаконному обороту наркотиков — «Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»³⁶. Концепция сотрудничества включает в себя ряд мер, направленных на пресечение употребления и распространения наркотиков на территориях стран-участников Содружества³⁷.

Далее в 2011 году было заключено соглашение «о порядке передачи образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»³⁸. Данное

³² Рейтинг стран мира по уровню терроризма. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index> (дата обращения: 01.09.2025).

³³ Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901966?section=text> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁴ Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50699/ (дата обращения: 01.08.2025).

³⁵ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. URL: <https://eccis.org/page/1864/soglasenie> (дата обращения: 01.09.2025).

³⁶ Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901945361> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁷ Там же.

³⁸ Соглашение о порядке передачи образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499017870> (дата обращения: 01.08.2025).

соглашение иллюстрирует порядок передачи изъятых наркотических средств через государственные границы³⁹. В 2017 году был подписан дополнительный протокол к Соглашению от 2011 года, который расширил сферу сотрудничества между государствами, тем самым добавив к передаче образцов наркотических средств «передачу огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, через государственные границы, что является вещественными доказательствами по уголовным делам»⁴⁰.

На основе открытых данных Интернет-портала СНГ и сайта Исполкома СНГ можно проследить эффективность реализации действий органов Содружества по осуществлению утвержденных межгосударственных программ сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в области борьбы с преступностью, терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Так, в период 2000–2004 гг. в открытом доступе находятся только данные по реализации оперативно-профилактической операции «Граница-2002», где было заведено около 3 тысяч уголовных дел, выявлено порядка 70 тысяч организованных преступных групп, раскрыто более 4 тысяч преступлений, изъято огнестрельное оружие, боеприпасы, наркотические вещества в размерах 270 единиц, 15 тысяч, 13 кг соответственно⁴¹.

Основная реализация принятых программ Содружества началась с 2008 года. С 2008 по 2009 гг. о общей сложности было проведено 30 оперативных мероприятий, благодаря которым было выявлено порядка 62 преступлений и изъято 11 тонн наркотических и психотропных средств. Следовательно, по данным диаграммы, в период 2005–2010 гг. успешность реализуемых программ и соглашений была минимальна по сравнению с дальнейшими годами. Это связано с изменениями на мировой арене, а точнее с активной деятельностью исламских группировок и неблагоприятными событиями в Афганистане. Период 2011–2015 гг. характеризуется ростом проведения соответствующих мероприятий по обеспечению безопасности в регионе, а также увеличением количества пресечения организованных преступных группировок, а как следствие, и пресечение самой организованной преступности. Связано это с укреплением и развития военного сотрудничества между государствами-членами Содружества и с расширением взаимодействия по противодействию международному терроризму⁴².

В стадии 2016–2020 гг. мы также можем наблюдать рост успешной реализации принятых программ. 2018 год лидирует по показателям изъятых наркотических средств, а в 2020 году успешно выполнялись задачи по пресечению деятельности организованной преступности — было обнаружено и пресечено 659 преступных организаций

³⁹ Там же.

⁴⁰ Протокол о порядке передачи наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, являющихся вещественными доказательствами по уголовным делам. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556189738> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴¹ Об итогах заседания Совета министров внутренних дел (СМВД) стран-участниц СНГ. 10 сентября 2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturnye-prostranstva-sng/1682951/ (дата обращения: 01.09.2025).

⁴² Аналитический доклад «Итоги деятельности СНГ за 20-лет и задачи на перспективу». URL: <https://e-cis.info/page/3510/80765/> (дата обращения: 02.09.2025).

и группировок. В этот период был заключен «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между Антитеррористическим центром государств-участников СНГ, Секретариатом ОДКБ и Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества»⁴³, основная цель которого – это развитие взаимодействия государств-участников Меморандума в области борьбы с терроризмом и экстремизмом⁴⁴. Так, в 2017 году благодаря оперативным действиям координирующих органов Содружества было выявлено порядка «54 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и изъято более 12 тонн наркотиков»⁴⁵. Таким образом, в период реализации программы 2014–2018 гг. было выявлено более 56 тысяч незаконной торговли наркотическими веществами и изъято более 161 тонн.

Заключительными отчетным годами выступают 2021–2025 гг. На данном этапе зафиксированы данные за 2021 и 2024 года. Здесь мы можем увидеть спад количества предпринятых мер и реализуемых на их базе мероприятий. Это связано с новыми событиями в Афганистане — активная натуральная операция организации «Талибан» против правящей элиты

Афганистана – что привело к новым вызовам безопасности в регионе Центральной Азии. Также в этот период на территориях стран СНГ и государств-соседей начались политико-территориальные конфликты, ярким примером служат российско-украинский конфликт, который также подрывает региональную безопасность. Кроме того, данный период характеризуется низким уровнем интеграции стран Центральной Азии, что демонстрирует отсутствие взаимодействия всех государств-членов Содружества, но и усиление соперничества мировых держав, таких как Россия, США и Китай, что тоже оказывает влияние на процессы создания безопасности в регионе⁴⁶.

На основе вышеизложенной информации можно сделать вывод о том, что деятельность Содружества Независимых Государств в обеспечении безопасности региона более эффективна в противодействии организованной преступности. Помимо деятельности Содружества, борьбу с преступностью и незаконным оборотом наркотических веществ осуществляют МАГАТЭ, ООН, ШОС, ОДКБ и другие региональные и международные организации, территориальные органы стран-участников Содружества Независимых Государств.

⁴³ Региональная система безопасности: на примере взаимодействия СНГ, ОДКБ и ШОС. URL: <https://e-cis.info/news/566/117126/> (дата обращения: 02.09.2025).

⁴⁴ Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между ПАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ. 28 мая 2018. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/RATS%20SHOS-ATC%20SNG-CSTO/memorandum/#loaded (дата обращения: 02.09.2025).

⁴⁵ Сотрудничество государств – участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков (к Международному дню борьбы со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом). URL: <https://eccis.org/news/9471/sotrudnicestvo-gosudarstv--uchastnikov-sng-v-borbe-s-nezakonnym-оборотом-narkotikov-k-mezhdunarodnomu-dnu-borby-so-zloupotrebleniem-narkoticeskimi-sredstvami-i-ih-nezakonnym-оборотом> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴⁶ Арефьев А. Обеспечение региональной безопасности СНГ: проблемы консолидированного подхода. 2022. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2754> (дата обращения: 02.09.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка эффективности деятельности международных организаций, занимающихся в сфере безопасности, действительно важна, так как они являются ключевым аспектом изучения региональных структур. В Центральной Азии, как уже упоминалось выше, существует множество современных вызовов, с которыми такие организации, как ОДКБ и СНГ ведут немаловажную борьбу. В свою очередь, ОДКБ проводит масштабные антинаркотические и военные операции, такие как «Канал» и учения с отработкой сценариев реагирования на кризисные ситуации. И как выявил анализ, данные механизмы являются успешными и дают хорошие результаты.

Если говорить об СНГ, то данная региональная международная организация выполняет координирующую функцию. СНГ принимает и реализует нормативно-правовую базу, направленную на углубление сотрудничества между странами-участниками по борьбе с преступностью

в регионе. Кроме того, организация проводит операции и мероприятия по пресечению преступности, незаконного оборота наркотиков и террористических атак. Также СНГ реализует научные программы по исследованию сотрудничества и деятельности государств-членов, направленных на обеспечение безопасности в регионе Центральной Азии. Координирующая роль Содружества включает в себя сбор и обработку баз данных с информацией о совершенных преступлениях, незаконному обороту наркотиков, и других угроз. Это способствует выработке оперативных мер и действий по пресечению возникающих вызовов стабильности и безопасности региона Центральной Азии.

Таким образом, перспективы противодействия нарастающим угрозам, в основном организованной преступностью и наркотрафика, будут зависеть от способности организаций к быстрому реагированию на новые вызовы и укреплению интеграционных механизмов сотрудничества на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Станис Д.В., Пархитыко Н.П., Курылев К.П. Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество государств Центральной Азии. В кн. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: Москва: Аспект пресс; 2024. 312 с.
2. Мохаммад А. Сотрудничество Афганистана и Таджикистана в борьбе с наркоугрозой. *Постсоветские исследования*. 2024;7(7):743-753.
3. Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатывалдиева А., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму. *Постсоветские исследования*. 2023;6(6):674-684.
4. Искандаров А. Безопасность и интеграция в Центральной Азии: роль ОДКБ и ШОС. *Центральная Азия и Кавказ*. 2013;2:19-28.
5. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование. Москва: Гардарики; 2006. 333 с.
6. Пустовойт Е.С. Криминологические признаки наркопреступности в регионе ответственности государств – членов ОДКБ. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2022;3(48):175-179.
7. Федько А.В. Роль ОДКБ в борьбе с наркотрафиком в Афганистане: пути решения 2001–2018 гг. *Постсоветские исследования*. 2019;(4):6.

8. Хабалов А.Т. Основные угрозы безопасности для стран центральноазиатского региона. *Постсоветский материк*. 2014;(2):22.
9. Забавка В.И. Правовое регулирование взаимодействия государств — участников СНГ в противодействии организованной преступности. *Вестник экономической безопасности*. 2022;(4):89-94.
10. Баранник М.А., Петрович-Белкин О.К., Рахимов К.Х. Деятельность Межпарламентской Ассамблеи СНГ и ее роль в углублении евразийской интеграции. *Альманах «Казачество»*. 2020;(47):46-53.
11. Махамат Т.Н., Рахимов К.Х., Теплов А.В., Чертилин О.В. Борьба с терроризмом в СНГ (на примере Таджикистана). *Постсоветские исследования*. 2024;5(7):494-507.
12. Матвеев Л.С. Проблема наркотрафика в Центральной Азии на современном этапе. *The Newman in Foreign Policy*. 2018;42(86):23-26.

REFERENCES

1. Stanis D.V., Parkhitko N.P., Kurylev K.P. Military-political and military-technical cooperation of Central Asian states. In: Central Asia as an emerging subsystem of international relations. Moscow: Aspect Press; 2024. 312 p. (In Russ.)
2. Mohammad A. Cooperation between Afghanistan and Tajikistan in combating the drug threat. *Post-Soviet Studies*. 2024;7(7):743-753. (In Russ.)
3. Amanbaeva D., Aidarbekova A., Satyvaldieva A., Rakhimov K.Kh. The role of the CSTO in countering terrorism. *Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):674-684. (In Russ.)
4. Iskandarov A. Security and integration in Central Asia: the role of the CSTO and SCO. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;2:19-28. (In Russ.)
5. Akhremenko A.S. Political analysis and forecasting. Moscow: Gardariki; 2006. 333 p. (In Russ.)
6. Pustovoi E.S. Criminological indicators of drug crime in the CSTO member states' responsibility area. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;3(48):175-179. (In Russ.)
7. Fedko A.V. The role of the CSTO in combating drug trafficking in Afghanistan: solutions 2001-2018. *Post-Soviet Studies*. 2019;(4):6. (In Russ.)
8. Khabalov A.T. Main security threats for Central Asian countries. *Post-Soviet Continent*. 2014;(2):22. (In Russ.)
9. Zabavka V.I. Legal regulation of interaction between CIS member states in combating organized crime. *Bulletin of Economic Security*. 2022;(4):89-94. (In Russ.)
10. Barannik M.A., Petrovich-Belkin O.K., Rakhimov K.Kh. Activities of the CIS Interparliamentary Assembly and its role in deepening Eurasian integration. *Almanac "Cossackdom"*. 2020;47:46-53. (In Russ.)
11. Makhamat T.N., Rakhimov K.Kh., Teplov A.V., Chertilin O.V. Counter-terrorism in the CIS (on the example of Tajikistan). *Post-Soviet Studies*. 2024;5(7):494-507. (In Russ.)
12. Matveenko L.S. The problem of drug trafficking in Central Asia at the present stage. *The Newman in Foreign Policy*. 2018;42(86):23-26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комрон Х. Рахимов

кандидат исторических наук,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо Ма-
клая, 6;

Центр исследований постсоветских стран,
Москва, Россия; 117133, Москва, ул. акаде-
мика Виноградова, 10

rakhimov_kkh@rudn.ru

Komron Kh. Rakhimov

Ph.D.,
People's Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN Uni-
versity), Moscow, Russia; bld. 6, Mikluho
Maklaya str., Moscow, 117198, Russia;

Center for Research on Post-Soviet Countries,
Moscow, Russia; bld. 10, Akademika Vino-
gradova Street, Moscow, 117133, Russia;

rakhimov_kkh@rudn.ru

Анастасия С. Пономарева

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо Ма-
клая, 6;

1032240921@rudn.ru

Анастасия С. Пономарева

People's Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN
University), Moscow, Russia; bld. 6, Mikluho
Maklaya str., Moscow, 117198, Russia;

1032240921@rudn.ru

Дарья И. Фофанова

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо Ма-
клая, 6;

1032240394@rudn.ru

Daria I. Fofanova

People's Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN
University), Moscow, Russia; bld. 6, Mikluho
Maklaya str., Moscow, 117198, Russia;

1032240394@rudn.ru

Эволюция политики Японии в Центральной Азии

Мами Коидэ

Университет Сока, Токио, Япония

1032249287@pfur.ru

Аннотация: целью данного исследования является анализ политики Японии в Центральной Азии после распада Советского Союза. Япония одной из первых установила дипломатические отношения с пятью государствами Центральной Азии, а в 1993 году начала сотрудничество в целях развития. Отношения между Японией и Центральной Азией последовательно развивались и в 2004 году был запущен диалог «Центральная Азия + Япония». Данная инициатива, в рамках которой Япония выступает в качестве инициатора сотрудничества между пятью странами Центральной Азии, создала условия для последующего наращивания взаимодействия. Большое внимание Япония уделяет политическому взаимодействию и оказанию технической помощи центрально-азиатским государствам. Большое внимание в статье уделяется исследованию документов, которые определяют подходы Токио к взаимодействию со странами региона. Также проведен анализ механизмов сотрудничества Японии со странами региона. В статье сделан вывод, что политика Японии демонстрирует последовательность внешнеполитического курса в отношении центрально-азиатских государств.

Ключевые слова: Япония, Центральная Азия, внешняя политика, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

Ключевые слова: Коидэ М. Эволюция политики Японии в Центральной Азии.

Для цитирования: Коидэ М. Эволюция политики Японии в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(4):314–326. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-314-326>

Поступила 20.12.2025

Принята в печать 26.12.2025

Опубликована 30.12.2025

The evolution of Japan's policy in Central Asia

Mami Koide

Soka University, Tokyo, Japan,

1032249287@pfur.ru

Abstract: This study aims to analyze Japan's policy in Central Asia since the collapse of the Soviet Union. Japan was one of the first countries to establish diplomatic relations with the five Central Asian states, and in 1993, began development cooperation. Relations between Japan and Central Asia have steadily developed, and in 2004, the "Central Asia + Japan" dialogue was launched. This initiative, in which Japan acts as the initiator of cooperation between the five Central Asian countries, has created the conditions for subsequent expansion of interaction. Japan pays considerable attention to political interaction and the provision of technical assistance to the Central Asian states. The article focuses on the study of documents that define Tokyo's approaches to interaction with the countries of the region. An analysis of the mechanisms of Japan's cooperation with the countries of the region is also provided. The article concludes that Japan's policy demonstrates a consistent foreign policy course towards the Central Asian states.

Keywords: Japan, Central Asia, foreign policy, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan

For citation: Koide M. The evolution of Japan's policy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(4):314–326. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-314-326>

Received 20.12.2025

Revised 26.12.2025

Published 30.12.2025

ВВЕДЕНИЕ

В 1991 году пять стран Центральной Азии получили независимость. Япония одной из первых установила с ними дипломатические отношения в 1992 году. В 2004 году инициировала диалог «Центральная Азия + Япония». С этого периода Япония поддерживает развитие внутри регионального сотрудничества, исходя из того, что странам региона, сталкивающимся с общими вызовами, важно сотрудничать друг с другом. Это инициатива, в рамках которой Япония выступает в качестве инициатора сотрудничества между пятью центрально-азиатскими государствами и поддерживает их экономическое и политическое развитие.

Основываясь на этой политике, Япония осуществляет сотрудничество в области развития в Центральной Азии. Под сотрудничеством в целях развития понимается «международная деятельность

правительств и правительственных учреждений по сотрудничеству, основной целью которой является развитие развивающихся регионов».

В рамках официальной помощи развитию (ОПР) правительства или их исполнительные агентства предоставляют финансовую помощь (например, подарки, займы) или техническую помощь развивающимся странам или международным организациям для «развития» в развивающихся странах, включая миростроительство, управление, продвижение основных прав человека и гуманитарную помощь.

ОСНОВНАЯ ПОЛИТИКА И ЗНАЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ

Японская Официальная помощь развитию (ОПР) осуществляется в соответствии с Хартией сотрудничества в целях развития. В ней изложены цели, основные направления политики, приоритетные

направления политики и методы реализации японского сотрудничества в области развития.

Согласно Хартии 2023 года, Япония ставит перед собой следующие задачи в области сотрудничества в целях развития:

1. Совместно, на основе равноправного партнерства с развивающимися странами, решать проблемы развития этих стран и общие глобальные вызовы человечества, а также более активно содействовать формированию мирного, стабильного и процветающего международного сообщества в рамках свободного и открытого международного порядка, основанного на верховенстве права.

2. Способствовать реализации национальных интересов Японии, таких как создание благоприятной международной обстановки для Японии и всего мира, поддержание и укрепление внешних отношений, основанных на доверии, обеспечение мира и безопасности для Японии и ее народа, а также достижение дальнейшего процветания за счет экономического роста¹.

Также обозначены четыре основных направления политики в области сотрудничества в целях развития:

1. Вклад в мир и процветание.
2. «Безопасность человека» в новую эпоху.
3. Совместное создание социальных ценностей посредством диалога и сотрудничества с развивающимися странами.
4. Ведущая роль в распространении и реализации международных правил и руководящих принципов, основанных на инклюзивности, прозрачности и справедливости.

В пересмотренном варианте Хартии развития на 2023 год было подчеркнуто направление на более стратегическое использование сотрудничества в целях

развития в качестве дипломатического инструмента на фоне обострения геополитической конкуренции, вызванной изменением баланса сил и серьезным вызовом международному порядку, возникшим в результате войны между Россией и Украины. В частности, «национальные интересы» были позиционированы как одна из целей сотрудничества в области развития. Сотрудничество Японии в области развития претерпело значительные изменения по сравнению с Хартией 1992 года, в которой особое внимание уделялось ОПП, направленной на обеспечение экономического развития развивающихся стран на основе взаимозависимости и гуманитарных перспектив.

Хартия 2023 года унаследовала структуру 2015 года. Эксперт по вопросам развития Оно И. заявила об особенностях новых пунктов Хартии 2023 года. Во-первых, в качестве цели Хартии указан «свободный и открытый международный порядок, основанный на верховенстве закона, и желательная для Японии международная обстановка», а в качестве основной политики добавлено «руководство распространением и реализацией международных правил и руководящих принципов, основанных на инклюзивности, прозрачности и справедливости». Во-вторых, в качестве одного из основных направлений политики определено «совместное создание» социальных ценностей путем диалога и сотрудничества с развивающимися странами. В-третьих, с точки зрения дальнейшего укрепления стратегии четко обозначено внедрение сотрудничества по типу предложения. В-четвертых, при укреплении системы реализации и инфраструктуры упор делается на человеческую и интеллектуальную

¹ Хартия сотрудничества в целях развития. Утверждена Указом кабинета министров от 09 июня 2023 г. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/seisaku/taikou_202306.html (дата обращения: 10.09.2025).

инфраструктуру (обеспечение и развитие специализированного персонала, финансы и т. д.). В-пятых, вновь создана схема безвозмездной помощи, не связанная с ОРД, под названием OSA (Official Security Assistance) для военного и связанного с ним персонала в развивающихся странах [1].

Версия 2023 года была направлена на реализацию косвенного национального интереса в «решении проблем развития развивающихся стран и содействие формированию мирного и процветающего международного сообщества», а также прямого национального интереса «обеспечение мира и безопасности Японии путем укрепления доверия к Японии» в соответствии с принципом гуманитарной безопасности [2].

ИСТОРИЯ ЯПОНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ

Участие Японии в программах содействия развитию насчитывает более полувека: в октябре 1954 года Япония подписала «План Коломбо» — соглашение о международном сотрудничестве в целях поддержки социально-экономического развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона. С 1955 года Япония, как участник плана, также предоставляла техническое сотрудничество, в частности, принимала стажеров и направляла экспертов.

Япония вернулась в международное сообщество после подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 году. В то время, вскоре после окончания войны, для Японии было важно быстро провести послевоенное восстановление, поддержать дружеские отношения с другими странами, особенно в Азии,

и улучшить свое положение в международном сообществе. Первоначально японская ОПР играла две основные роли. Во-первых, в послевоенный период - оказание финансовой помощи в виде репарационных выплат и параллельного экономического сотрудничества Содружеству Бирмы (ныне Мьянмы), Филиппин, Индонезии, Вьетнама и других азиатских стран, подписавших с Японией соглашения о репарациях; во-вторых, в среднесрочной и долгосрочной перспективе ОПР способствовала развитию азиатского региона и поддерживала политику Японии по стимулированию экспорта (МИД Японии, 2006)². Эта деятельность ОПР способствовала экономическому восстановлению и развитию азиатских стран, тем самым восстанавливая дружеские отношения между Японией и азиатскими странами, а также имела значение для перевода этих стран в либеральный лагерь в условиях холодной войны. Кроме того, репарации и параллельное экономическое сотрудничество напрямую способствовали росту японского экспорта, поскольку закупаемые товары и услуги ограничивались японскими. ОПР, которая увеличилась как в качественном, так и в количественном отношении после быстрого экономического прогресса Японии, способствовала значительному экономическому развитию Восточной Азии благодаря поддержке проектов после нефтяного кризиса.

Сначала поддержка была направлена на Азию, но затем распространилась и на другие регионы. 1970-е годы стали периодом быстрого восстановления Японии и превращения ее в крупную экономическую державу. В это же время она осознала необходимость предоставления помощи в обмен на снижение напряженности

² Japan's Official Development Assistance White Paper 2006 . Section 1. The Early Years of Japan's ODA - The 1950s. Ministry of foreign affairs of Japan [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2006/ODA2006/html/honpen/hp101010000.htm> (дата обращения: 08.09.2025).

и получение важных ресурсов за счет экономической экспансии. В итоге, помощь была увеличена, хотя и в недостаточном объеме.

Позже, во время войны во Вьетнаме и «холодной войны», Япония объявила в 1977 году о своем «Плане удвоения помощи». По мнению ученых, это был период, когда помощь приобрела более стратегический характер с точки зрения политики и безопасности, а ее получатели стали более глобализованными [3].

В 1992 году впервые была разработана Хартия ОПР. Как отмечала российский эксперт Добринская О.А. «в 1990-е гг., когда во внешней политике вышли на первый план элементы либерализма, ОПР была переориентирована на защиту демократических ценностей, приоритетов японского международного сотрудничества» [4].

ОПР является для Японии, не обладающей военной мощью, незаменимым инструментом политики, позволяющим мирными средствами способствовать стабильности и процветанию в мире и формировать благоприятную международную обстановку для самой Японии.

ИСТОРИЯ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОТНОШЕНИЯХ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Когда в 1991 году пять государств Центральной Азии получили независимость от Советского Союза, Япония установила с ними дипломатические отношения в следующем году. Хотя пять центральноазиатских государств не имеют прямых границ с Японией, ситуация в центральноазиатском регионе - перекрестке Азии, Европы, России и Ближнего Востока - оказывает большое влияние на обстановку в сфере безопасности на всем евразийском континенте. Поэтому события в регионе, включая

такие угрозы, как терроризм, и отношения с соседними странами, представляют для Японии большой интерес.

По мнению Хироэ, в дипломатии Японии в отношении Центральной Азии регион обладает следующими характеристиками:

1. Геополитическая важность: мир и стабильность в регионе необходимы для всей Евразии;
2. Огромный экономический потенциал: Центральная Азия обладает богатыми природными ресурсами, а уровень грамотности населения, насчитывающего 50 миллионов человек, составляет более 90 процентов, и, таким образом, здесь имеется жизнеспособная образованная рабочая сила;
3. Микрокосмический характер: регион ценен с точки зрения человеческой цивилизации.
4. В последнее время геополитическое и экономическое значение региона [5].

В 1997 году было объявлено о политике Японии в отношении Центральной Азии - «Дипломатии Шелкового пути». Под «регионом Шелкового пути» подразумеваются пять стран Центральной Азии и три страны Кавказа, и политика активного развития отношений с этим регионом была четко сформулирована в «евразийской дипломатии», предложенной бывшим премьер-министром Хасимото. Три направления «Дипломатия Шелкового пути» включают:

1. Политический диалог для укрепления доверия и взаимопонимания
2. Сотрудничество в области экономики и развития ресурсов для содействия процветанию, (приоритетными направлениями являются: развитие человеческих ресурсов и институциональное строительство для демократизации и рыночной экономики, развитие экономической

инфраструктуры, сотрудничество в социальных секторах, таких как здравоохранение, медицина и образование, и сохранение окружающей среды).

3. Сотрудничество во имя мира через нераспространение ядерного оружия, демократизацию и стабилизацию³.

Япония стремилась к укреплению двусторонних отношений со странами Центральной Азии на основе трех вышеуказанных принципов.

В 2004 году Япония начала диалог «Центральная Азия + Япония», признавая, что межрегиональное сотрудничество необходимо для развития Центральной Азии. Инициатива была выдвинута в качестве основы для диалога и сотрудничества со странами Центральной Азии. Для центральноазиатских государств рамочная программа с Японией стала первой попыткой создать основу для диалога с регионом в целом и с третьими странами. В рамках дальнейшего развития сотрудничества между странами Центральной Азии и Японией министры иностранных дел подтвердили, что начатый на этот раз диалог «Центральная Азия + Япония» будет продвигаться в соответствии со следующими основными принципами:

1. Уважение к разнообразию.
2. Конкуренция и сотрудничество.
3. открытое сотрудничество⁴.

К настоящему времени между Японией и Центральной Азией состоялось девять встреч министров иностранных дел,

которые способствовали углублению партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, основанного на дружбе и взаимном доверии.

20 декабря 2025 года в Токио впервые состоялась встреча на высшем уровне в рамках диалога «Центральная Азия + Япония». По итогам встречи была принята Токийская декларация, определившая политику сотрудничества, в частности, в области упрощения логистических маршрутов и сектора искусственного интеллекта.

Документ выделяет три ключевых приоритета:

1. «Зеленые технологии и устойчивость»: сотрудничество, включая развитие новых отраслей промышленности и промышленное развитие. Модернизация в Центральной Азии в соответствии с мерами по борьбе с изменением климата.
2. Связность: совершенствование логистики, транспорта и обмена между людьми внутри Центральной Азии и за ее пределами, а также решение социальных проблем с помощью различных технологий и цифровой трансформации.
3. Развитие человеческих ресурсов: процветание благодаря расширению прав и возможностей человеческих ресурсов в рамках партнерства между Японией и Центральной Азией⁵.

Одной из причин укрепления отношений с Центральной Азией является «использование Китаем контроля над экспортом редкоземельных металлов

³ Diplomacy toward the Silk Road Region 07 2002// Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/yojin/arc_02/silkroad_a.html (дата обращения 10.10.2025.)

⁴ Policy Speech by Ms. Yoriko Kawaguchi, Minister of Foreign Affairs of Japan at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan 26.08. 2004 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/16/ekw_0826.html (японский язык) URL: <https://warp.ndl.go.jp/web/20160108062008/http://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/joint0408.pdf> (английский язык) (дата обращения 20.12.2025.)

⁵ Tokyo Declaration of the Summit of the “Central Asia plus Japan” Dialogue 20 12 2025// Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100954362.pdf> (дата обращения 10.09.2025.)

в качестве оружия экономического давления⁶. Япония хочет диверсифицировать сеть поставок ключевых минералов и энергоносителей и укрепить свою экономическую безопасность. Она также стремится помочь японским компаниям расширить свой бизнес в Центральной Азии, где наблюдается значительный экономический рост.

По мнению некоторых ученых, «Япония не проводит амбициозной региональной политики; вместо этого она предпочитает укреплять двусторонние отношения, особенно в области транспорта, промышленности и энергетики, путем заключения конкретных соглашений и продвижением конкретных проектов» [6]. По мнению М.А. Рахимова, страны Центральной Азии считают сотрудничество с Японией стратегически важным, а сотрудничество может также помочь наладить более тесный обмен в области торговли, экономики и инвестиций между Евразией, Европой, Ближним Востоком и Азиатско-Тихоокеанским регионом, используя геополитические и другие преимущества [7].

ЯПОНСКАЯ ОПР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРИМЕРЫ

Япония содействует практическому сотрудничеству в Центральной Азии в таких областях, как пограничный контроль, борьба с терроризмом и наркотиками, промышленное развитие, развитие человеческих ресурсов, ликвидация последствий стихийных бедствий, транспорт и логистика, сельское хозяйство и туризм.

С 2004 года Япония поощряет внутрирегиональное сотрудничество под руковод-

ством стран Центральной Азии в рамках диалога «Центральная Азия + Япония». Кроме того, Япония развивает сотрудничество в различных областях, включая политические, экономические и человеческие обмены, такие как встречи старших должностных лиц и бизнес-диалоги, а также встречи экспертов по таким темам, как борьба с наркотиками, пограничный контроль и туризм, и Токийский диалог, публичный симпозиум экспертов, по таким темам, как связь с Центральной Азией и Кавказом⁷.

В дополнение к этим усилиям Япония в настоящее время сотрудничает в таких областях, как развитие демократической и рыночной экономики, экономической и социальной инфраструктуры, укрепление коммуникаций, управление границами и борьба с наркотиками в целях свободного, открытого и устойчивого прогресса Центральноазиатского региона.

Что касается укрепления связности, Япония работает над развитием Каспийского морского пути. Чтобы сократить эти расходы, в 2024 году в сотрудничестве со Всемирной таможенной организацией (ВТО), которая занимается вопросами международного сотрудничества в области таможенного дела, мы запустили инициативу по повышению эффективности таможенного оформления для таможенников в регионе Центральной Азии и Кавказа. Кроме того, в рамках Глобального партнерства по инвестициям в инфраструктуру страны «Большой семерки», включая Японию, сотрудничают в области развития Каспийского морского пути.

Япония содействует предоставлению социальных услуг, связанных с укреплением

⁶ Yomiuri Shimbun. 19.12.2025 URL: <https://www.yomiuri.co.jp/politics/20251219-GYT1T00472> (дата обращения 10.07.2025.)

⁷ Central Asia and the Caucasus. 2024 Official Development Assistance (ODA) White Paper Japan's International Cooperation, 2025, pp. 111-112. Ministry of Foreign Affairs of Japan, URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/shiryo/hakusyo.html> (дата обращения 10.11.2025).

систем здравоохранения и медицины и улучшением санитарных условий. Например, в Узбекистане Япония решила предоставить медицинские контейнеры, оснащенные медицинским оборудованием для компьютерной томографии и рентгена, чтобы обеспечить мобильное медицинское обслуживание в сельских районах. В Кыргызстан, где доля смертей от неинфекционных заболеваний выше, чем в среднем по миру, также было поставлено медицинское оборудование для диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний и рака груди с целью обеспечения своевременного и надлежащего медицинского обслуживания. В Таджикистане было принято решение о строительстве колодцев, надземных резервуаров для воды и сети передающих и дренажных труб для обеспечения безопасного и стабильного водоснабжения.

К числу наиболее значимых проектов, проведенных в рамках программы, относятся следующие. Во-первых, проект по поддержке индустрии «ОВОП» в Кыргызстане. После распада Советского Союза сельские районы Кыргызстана потеряли работу, и проблема бедности стала еще более острой. Кроме того, статус женщин в сельской местности был низким, и у них было мало возможностей выходить за пределы дома, кроме как заниматься домашними делами. Поэтому была поддержана программа ОВОП, которая использовала местные ресурсы для выращивания местных продуктов и возрождения региона и общины. Были разработаны специальные продукты из шерсти, меда и фруктов, которые издавна использовались в кочевом образе жизни кыргызского народа. Эта инициатива началась в небольшом регионе в 2017 году, но уже распространилась по всему Кыргызстану, что привело к возрождению местных отраслей промышленности по всей стране.

Движение ОВОП позиционируется как проект, направленный на обеспечение «человеческой безопасности» через развитие сельских территорий на базе общин. Nurmanbetova A. заявила что на уровне местных сообществ очевидно, что воздействие ОВОП проявляется в социальных аспектах, таких как расширение взаимодействия между сообществами и расширение прав и возможностей женщин, а не в экономических аспектах, таких как оживление местной жизни [8].

Во-вторых, поддержка развития человеческих ресурсов в целях государственного строительства. В соответствии с Планом предоставления стипендий для развития человеческих ресурсов, разработанным в 1999 году, предполагается, что молодые административные работники из стран Центральной Азии будут учиться в Японии и по возвращении вернут знания, полученные во время учебы, в свои страны, а также будут способствовать дальнейшему укреплению дружеских отношений с Японией. К настоящему времени более 700 человек из Центрально-Азиатского региона были приняты в Японию в качестве студентов по обмену, и в настоящее время есть примеры бывших студентов по обмену, которые заняли руководящие должности у себя на родине. Кроме того, в целях развития человеческих ресурсов в частном секторе, который является основой рыночной экономики, мы поддерживаем развитие деловых кадров в Узбекистане, Кыргызстане и Казахстане через японские центры развития человеческих ресурсов.

В-третьих, поддержка пограничного контроля для предотвращения притока терроризма и наркотиков. Центральная Азия сталкивается с серьезными проблемами, связанными с притоком нелегальных наркотиков, контрабанды и террористов из Афганистана, а также

с ростом транснациональной организованной преступности. На этом фоне в 2019 году был разработан План по укреплению внутрирегионального приграничного сотрудничества путем усиления потенциала пограничных пунктов связи и межведомственных мобильных групп в Центральной Азии. В рамках этого плана проводится оснащение оборудованием и обучение сотрудников соответствующих ведомств для повышения потенциала межведомственной группы в Узбекистане, являющемся центром пограничного контроля и контроля над наркотиками в Центральной Азии, а также для укрепления функционирования пограничных пунктов связи в пяти странах. Кроме того, оказывается поддержка молодым людям, вернувшимся из зон конфликтов или работающим мигрантами за пределами страны, для реинтеграции в общество путем обучения навыкам и поддержки занятости, а также для поощрения социального участия через общественную деятельность и т. д., чтобы стабилизировать общество.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ КОНКРЕТНЫХ СТРАН

Португальская К 2021 году общий объем ОПР Японии региону составил 4351,4 млн. долларов. Более половины помощи было направлено в Узбекистан (2623,16 млн. долларов), за ним следует Кыргызстан (722,95 млн. долларов), Казахстан — 511,8 млн. долларов и Таджикистан (462,54 млн. долларов). Объем ОПР Туркменистану всегда был невелик и составлял 30,91 млн. долларов⁸.

Узбекистан имеет самое большое население в регионе и играет центральную роль в Центральной Азии. С другой

стороны, такие проблемы, как старение экономической инфраструктуры, построенной в постсоветское время, нехватка человеческих ресурсов для перехода к рыночной экономике и неразвита правовая система, стали препятствиями. Другие проблемы включают в себя увеличение экономического разрыва между городскими и сельскими районами, которое сопровождается экономическим ростом, и тот факт, что плодами экономического роста не пользуется широкая часть населения. В этих условиях ожидается, что помощь Японии Узбекистану по линии ОПР не только поможет решить проблемы страны, но и внесет вклад в дальнейшее развитие экономических отношений между двумя странами, включая обеспечение ресурсами, путем содействия высококачественным инвестициям в инфраструктуру и улучшения условий для ведения бизнеса. Кроме того, согласно показателям экономического сотрудничества основных доноров в отношении Узбекистана в 2017-2021 годах, Япония заняла первое место в этот период⁹.

Япония оказывает помощь Туркменистану с момента обретения независимости. В частности, во время правления Ниязова в рамках авторитарной политики были сокращены медицинские и образовательные учреждения, поэтому Туркменистан сталкивается с рядом проблем в сфере образования и медицины, и Япония сосредоточила свою помощь в этих областях. Кроме того, Япония принимает стажеров с 1993 года, помогая в устойчивом использовании ценных водных ресурсов в Центральной Азии, содействуя предотвращению опустынивания

⁸ Country Data 2023. Ministry of foreign affairs of Japan [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100730081.pdf#page=96.%20Accessed%2010%2006%202025>. (дата обращения 10.11.2025.)

⁹ Там же.

и оценке сейсмического риска в столице Ашхабадской области. Для Туркменистана Япония является основным донором после Соединенных Штатов Америки, Германии и Великобритании. Кроме того, по итогам экономического сотрудничества с Туркменистаном основных доноров в 2017-2021 годах Япония заняла пять первых мест, за исключением 2020 года¹⁰.

Кыргызстан поддерживает дружеские отношения с Японией с момента обретения независимости. Страна сталкивается с такими проблемами, как старение социальной инфраструктуры, включая образование, здравоохранение и медицинское обслуживание, и большой накопленный внешний долг. Учитывая эти обстоятельства, Япония будет оказывать содействие Кыргызстану через ОПР, чтобы поддержать свободное, открытое и устойчивое развитие страны¹¹. Япония будет поддерживать свободное, открытое и устойчивое развитие Кыргызстана путем предоставления помощи для устойчивого и сбалансированного экономического развития, уделяя особое внимание стимулированию промышленности, которая формирует основу для экономического роста и способствует созданию рабочих мест, а также улучшению административных и социальных услуг, которые формируют основу для социальной стабильности. Кроме того, по результатам экономического сотрудничества с Кыргызстаном основных доноров в 2017-2021 годах Япония заняла третье и четвертое места¹².

Таджикистан не располагает энергетическими ресурсами, такими как нефть

и природный газ, а экономическое развитие идет медленными темпами из-за последствий длительной гражданской войны. Доход на душу населения остается одним из самых низких в Содружестве Независимых Государств (СНГ). Старение экономической инфраструктуры, такой как транспорт и энергетика, а также неразвитость инвестиционного и делового климата являются факторами, сдерживающими экономическое развитие¹³. Развитие базовых секторов социальных услуг, включая водоснабжение и здравоохранение, также находится на недостаточном уровне, а отсутствие рабочих мест в стране является серьезной проблемой. Кроме того, поскольку страна имеет протяженную границу с Афганистаном и играет важную роль оплота против наркотиков, терроризма и насильственного экстремизма для региона, включая страны Центральной Азии, необходимо улучшить меры безопасности, включая усиление пограничного контроля. В свете этих обстоятельств Япония будет поддерживать Таджикистан в построении страны, способной к устойчивому и стабильному экономическому и социальному развитию. Кроме того, по результатам экономического сотрудничества с Таджикистаном основных доноров в 2017-2021 годах, Япония заняла первые три позиции.

Казахстан обладает богатыми природными ресурсами и имеет самую большую экономику среди стран Центральной Азии. С другой стороны, страна сталкивается с такими проблемами, как неразвитая

¹⁰ Country Data 2023. Ministry of foreign affairs of Japan [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100730081.pdf#page=96.%20Accessed%2010%2006%202025>. (дата обращения 10.11.2025.)

¹¹ Country Development Cooperation Policy for the Kyrgyz Republic. Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000072285.pdf> (дата обращения 10.11.2025.)

¹² Country Data 2023. Ministry of foreign affairs of Japan [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100730081.pdf#page=96.%20Accessed%2010%2006%202025>. (дата обращения 10.11.2025.)

¹³ Country Development Cooperation Policy for the Republic of Tajikistan. Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000072288.pdf> (дата обращения 10.11.2025.)

инфраструктура, нехватка человеческих ресурсов для поддержки рыночной экономики, экономическое неравенство между регионами и загрязнение окружающей среды¹⁴. Япония поддерживает создание страны с хорошим балансом между экономическим и социальным развитием. Казахстан стремится уйти от ресурсно зависимой экономики путем диверсификации отраслей промышленности в соответствии со своим долгосрочным планом, Стратегией «Казахстан 2050», и его приоритеты включают развитие инфраструктуры, улучшение инвестиционного климата, развитие человеческих ресурсов, поддержку предпринимательской деятельности, улучшение социального обеспечения и современного образования, укрепление государства. И современного образования, укрепление государственных институтов и развитие казахстанской демократии. Казахстан также сталкивается с различными экологическими проблемами, такими как значительное снижение энергоэффективности из-за износа старого оборудования, оставшегося с советских времен, разрушение окружающей среды в результате добычи подземных ресурсов, опустынивание и солевое загрязнение в результате сокращения Аральского моря, а также радиоактивное загрязнение в районе бывшего Семипалатинского ядерного полигона. Япония внесет свой вклад в меры по охране окружающей среды и борьбе с изменением климата в Казахстане, используя при этом передовые технологии. Кроме того, по результатам экономического сотрудничества с Казахстаном основных доноров в 2021 году Япония заняла четвертое место¹⁵.

В 2014 году Министр иностранных дел Казахстана и Постоянный представитель ПРООН в Казахстане подписали проектный документ, подтверждающий создание Министерством иностранных дел Казахстана системы официальной помощи развитию (ОПР) KazAID. Благодаря участию в системе ОПР Казахстан получил возможность оказывать помощь другим странам, а также расширил доступ к международным программам и финансированию. а также расширяет доступ к международным программам и фондам. Например, Казахстан является активным участником Глобального экологического фонда (ГЭФ), Программы развития ООН (ПРООН), Инициативы «Зеленый мост», а также проектов Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития, направленных на устойчивое развитие и модернизацию инфраструктуры. В 2014 году был разработан закон об ОПР Казахстана, в котором был рассмотрен опыт японской ОПР с особым акцентом на соседние страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Япония была одной из первых стран, установивших дипломатические отношения с пятью центральноазиатскими государствами и начавших сотрудничество в области развития в 1993 году. Отношения между Японией и Центральной Азией последовательно развивались, а в 2004 году был запущен диалог «Центральная Азия + Япония». Эта инициатива, в рамках которой Япония стала инициатором сотрудничества между пятью странами Центральной Азии, создала условия для последующего расширения обменов.

¹⁴ Country Development Cooperation Policy for Kazakhstan. Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000072282.pdf> (дата обращения 10.11.2025)

¹⁵ Country Data 2023. Ministry of foreign affairs of Japan [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100730081.pdf#page=96.%20Accessed%2010%2006%202025>. (дата обращения 10.11.2025)

С тех пор Япония проявляет большой интерес к политическим обменам и технической помощи со странами Центральной Азии. Сферы содействия развитию включают в себя пограничный контроль, борьбу с терроризмом и наркотиками,

содействие развитию промышленности, развитие человеческих ресурсов, предотвращение стихийных бедствий, транспорт и логистику, сельское хозяйство и туризм. Япония является одним из основных поставщиков помощи в Центральную Азию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ono I. Continuity and novelty seen in the New Development Cooperation Charter. *SRID Journal*. 2023;25:7.
2. Kanda M. One Aspect of Changes in the ODA/ Development Cooperation Charter. *SRID Journal*. 2023;25:7.
3. Hoshiyama T. The current state of Japan's Official Development Assistance (ODA): Aid diversity and national interests. IIPS Policy Paper 318J, 2006. P.5. URL: <https://npi.or.jp/research/data/bp318j.pdf> (дата обращения: 08.11.2025).
4. Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020;13(3):86-111. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-86-111.
5. Hirose T. Japan's Diplomacy in Central Asia: The Perspective of a Working-Level Policy Maker. Japan's Silk Road diplomacy: paving the road ahead. 2008. P. 180.
6. Палкова А., Буковскис К., Шамилов М. Публичная дипломатия Японии в Центральной Азии на примере Узбекистана и Казахстана. *Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право*. 2020;92(4):4-12. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2020.v92.i4.01>
7. Rakhimov M., Central Asia and Japan bilateral and multilateral relations. *Journal of Eurasian Studies*. 2014;5(1):77-87. <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2013.09.002>
8. Nurmanbetova A. Japan's Foreign Policy in the Kyrgyz Republic. The Case of ODA to Kyrgyzstan-2017. URL: <https://files01.core.ac.uk/download/87202725.pdf> (дата обращения 10.11.2025).

REFERENCES

1. Ono I. Continuity and novelty seen in the New Development Cooperation Charter. *SRID Journal*. 2023;25:7
2. Kanda M. One Aspect of Changes in the ODA/ Development Cooperation Charter. *SRID Journal*. 2023;25:7
3. Hoshiyama T. The current state of Japan's Official Development Assistance (ODA): Aid diversity and national interests. IIPS Policy Paper 318J, 2006. P.5. URL: <https://npi.or.jp/research/data/bp318j.pdf> [Accessed: 08.11.2025].
4. Dobrinskaya O.A. The Role of Official Development Assistance in Japan's Strategy in Central Asia. *Bulletin of MGIMO University*. 2020; 13(3):86-111. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-86-111. (In Russ.).
5. Hirose T. Japan's Diplomacy in Central Asia: The Perspective of a Working-Level Policy Maker. Japan's Silk Road diplomacy: paving the road ahead. 2008. P. 180.
6. Palkova A., Bukovskis K., Shamilov M. Public diplomacy of Japan in Central Asia on the

- example of Uzbekistan and Kazakhstan. *Bulletin of KazNU. Series: International Relations and International Law*. 2020;92(4):4–12. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2020.v92.i4.01> (In Russ.).
7. Rakhimov M., Central Asia and Japan bilateral and multilateral relations. *Journal of Eurasian Studies*. 2014;5(1):77-87. <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2013.09.002>
8. Nurmanbetova A. Japan’s Foreign Policy in the Kyrgyz Republic. The Case of ODA to Kyrgyzstan-2017. URL: <https://files01.core.ac.uk/download/87202725.pdf> [Accessed: 08.11.2025]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мами Коидэ

Университет Сока, Токио, Япония; 192-8577, Япония, Токио, г. Хатиодзи, Танги 1-236;
1032249287@pfur.ru

Mami Koide

Soka University, Tokyo, Japan; 1-236 Tanagi-cho, Hachioji-shi, 192-8577, Tokyo, Japan;
1032249287@pfur.ru

Политика Португалии в отношении стран постсоветского пространства (на примере России)

Вадюшка В. Велинью Родригес

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

1032185194@pfur.ru

Аннотация: в статье исследуется эволюция и современное состояние политики Португалии в отношении России, выявляются ключевые факторы, влияющие на характер двустороннего взаимодействия в условиях трансформации системы международных отношений. Особое внимание уделяется специфике португальского подхода к развитию отношений с Россией в контексте одновременного членства страны в Европейском союзе и Организации Североатлантического договора. Подробно анализируется договорно-правовая база двусторонних отношений, включая Договор о дружбе и сотрудничестве 1994 года, а также динамика торгово-экономического взаимодействия в период с 2007 по 2024 год, наглядно демонстрирующая влияние санкционного режима на объём и структуру двустороннего товарооборота. Рассматривается роль Португалии как потенциального посредника в развитии отношений России со странами Сообщества португалоязычных стран (CPLP), обладающей уникальным историческим опытом взаимодействия с бывшими колониями в Африке и Латинской Америке. Выявлен феномен «португальского парадокса», при котором евроатлантическая интеграция страны не препятствует, а в определённой степени способствует поддержанию конструктивного диалога с Россией. Детально исследуются особенности санкционной политики Португалии, характеризующейся последовательным стремлением к сохранению каналов политического диалога с Москвой даже в условиях нарастающей международной напряжённости. Анализируется дифференцированная позиция стран – членов CPLP по ключевым международным вопросам и её непосредственное воздействие на перспективы российско-португальского сотрудничества. Рассмотрены перспективы формирования особой модели двустороннего взаимодействия, органично сочетающей формальную солидарность Португалии с западными партнёрами и прагматичное стремление к последовательному развитию многоплановых связей с Россией.

Ключевые слова: Россия, Португалия, двусторонние отношения, внешняя политика, евроатлантическая интеграция, португалоязычные страны, международное посредничество, дипломатия, санкционная политика

Для цитирования: Велинью Родригес В. В. Политика Португалии в отношении стран постсоветского пространства (на примере России). *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(4):327-340. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-327-340>

Поступила 27.10.2025

Принята в печать 12.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Portugal's Policy towards the Post-Soviet States (with a Focus on Russia)

Vadyuska V. Velhinho Rodrigues

RUDN University, Moscow, Russia

1032185194@pfur.ru

Abstract: The article examines the evolution and current state of Portugal's policy towards Russia, identifying the key factors that shape the nature of bilateral interaction amid the ongoing transformation of the contemporary international relations system. Particular attention is paid to the specifics of the Portuguese approach to developing relations with Russia in the context of the country's simultaneous membership in the European Union and the North Atlantic Treaty Organization. The study provides a detailed analysis of the legal and treaty framework underpinning bilateral relations, including the 1994 Treaty of Friendship and Cooperation, as well as trade and economic dynamics from 2007 to 2024, clearly illustrating the impact of the sanctions regime on the volume and structure of bilateral trade. The role of Portugal as a potential mediator in advancing Russia's relations with the Community of Portuguese Language Countries (CPLP), drawing upon its unique historical experience of engagement with former colonies in Africa and Latin America, is thoroughly considered. The phenomenon of the "Portuguese paradox" is identified, whereby the country's Euro-Atlantic integration does not hinder but rather facilitates the maintenance of constructive dialogue with Russia. The study explores in detail the distinctive features of Portugal's sanctions policy, characterized by a consistent commitment to preserving channels of political dialogue with Moscow even under conditions of growing international tension. The differentiated positions of CPLP member states on key international issues and their direct effect on the prospects of Russian-Portuguese cooperation are analyzed. The article considers the prospects for establishing a distinctive model of bilateral interaction that organically combines Portugal's formal solidarity with its Western partners and a pragmatic pursuit of consistently developing multifaceted ties with Russia.

Keywords: Russia, Portugal, bilateral relations, foreign policy, Euro-Atlantic integration, Portuguese-speaking countries, international mediation, diplomacy, sanctions policy

For citation: Velhinho Rodrigues V.V. Portugal's Policy towards the Post-Soviet States (with a Focus on Russia). *Post-Soviet Issues*. 2025;12(4):327-340. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-327-340>

Received 27.10.2025

Revised 12.12.2025

Published 30.12.2025

ВВЕДЕНИЕ

Формирование полицентричной конфигурации международных отношений актуализирует изучение двусторонних связей государств, которые, невзирая на значительное географическое расстояние, проявляют устойчивую заинтересованность во взаимном сближении. Российско-португальское взаимодействие, история которого охватывает свыше двухсот лет, служит показательным примером способности двух государств преодолевать мировоззренческие разногласия и геостратегические противоречия, выстраивая результативное сотрудничество на принципах прагматизма и взаимного уважения национальных интересов.

Актуальность настоящего исследования определяется рядом существенных обстоятельств. Во-первых, возрастающим значением Португалии как активного участника архитектуры европейской безопасности, обладающего влиянием на выработку общей позиции Европейского союза и НАТО применительно к государствам постсоветского пространства. Во-вторых, особой ролью Лиссабона в качестве ведущего участника Сообщества португалоязычных стран (CPLP), что открывает дополнительные каналы для расширения контактов Москвы не только с самой Португалией, но и с целым рядом государств Африканского континента и Латинской Америки. В-третьих, потребностью в научном анализе опыта поддержания конструктивного диалога между государствами в условиях санкционного противостояния и нарастающей геополитической турбулентности.

Целью статьи является комплексный анализ эволюции и текущего состояния

португальской политики в отношении России, определение ключевых факторов, формирующих характер двустороннего взаимодействия, а также выявление перспективных направлений дальнейшего развития отношений между двумя государствами. Источниковая база исследования включает официальные документы внешнеполитических ведомств обеих стран, межгосударственные соглашения, статистические материалы по торгово-экономическому сотрудничеству, публикации периодической печати, а также научные работы российских и португальских специалистов, затрагивающие различные аспекты двусторонних отношений.

ПОРТУГАЛИЯ: МЕЖДУ АТЛАНТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТЬЮ И ПРАГМАТИЧЕСКИМ ПОДХОДОМ К РОССИИ

Присоединение Португалии к Европейским сообществам в 1986 году и её участие в НАТО (с 1949 года) в значительной мере предопределили логику выстраивания отношений Лиссабона с Москвой в рамках коллективных переговорных процессов этих международных структур. Как подчеркнул глава португальской дипломатии А. Сантуш Силва, Португалия, подобно ряду других членов ЕС и НАТО, исповедует «двухколейный подход» в диалоге с Россией¹. Демонстрируя приверженность совместной позиции по поддержанию финансово-экономических ограничительных мер в отношении РФ, португальское руководство параллельно выступает за углубление политических контактов и поиск новых сфер взаимовыгодного партнёрства².

¹ EU-Russia Relations and Ukraine // Trans European Policy Studies Association (TEPSA). URL: <https://tepsa.eu/events/eu-russia-relations-and-the-war-in-ukraine-from-a-portuguese-perspective/> (дата обращения: 16.10.2025).

² União Europeia aprova «sanções muito duras» contra a Rússia // Governo da República Portuguesa. URL: <https://www.portugal.gov.pt/pt/gc22/comunicacao/noticia?i=uniao-europeia-aprova-sancoes-muito-duras-contra-a-russia> (дата обращения: 16.10.2025).

Отличительной чертой португальской дипломатической традиции является ориентация на взвешенные и осмотрительные решения, позволяющие сохранять наработанные двусторонние связи с партнёрами, не нарушая при этом союзнических обязательств перед ключевыми союзниками. В период после 2014 года, на фоне обострения ситуации вокруг Крыма и Украины, Португалия как участница ЕС и Североатлантического альянса следовала согласованному внешнеполитическому курсу, отражавшему геополитические и экономические приоритеты западного сообщества [1]. Вместе с тем глава правительства А. Кошта указывал на нецелесообразность «зацикливания на санкционной теме» и поддержки введения дополнительных ограничений, призывая «перейти к созидательной фазе» в отношениях ⁵.

По оценке португальского историка и журналиста Ж. Мильязеша, Португалия принадлежит к категории стран альянса, которые избегают провоцирования конфронтации с Москвой, что позволяет им поддерживать конструктивные контакты даже в периоды обострения международной обстановки ⁴.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-ПОРТУГАЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Помимо Начало постоянных дипломатических контактов между Россией и Португалией относится к последней четверти XVIII столетия: в 1779 году состоялся обмен постоянными дипломатическими

представительствами [2]. Однако предпосылки к формированию официальных связей между двумя державами складывались ещё при Петре I, проявлявшем заметный интерес к торговым контактам с португальскими коммерсантами и к установлению морских коммуникаций между двумя государствами [3].

Существенным побудительным мотивом для сближения послужило стремление России расширить своё торговое присутствие в Южной Европе, а также желание Португалии диверсифицировать внешнеполитические и коммерческие связи в непростых международных условиях конца XVIII века [4]. Лиссабон рассматривал установление дипломатических отношений с Российской империей как инструмент укрепления собственных позиций на европейской политической сцене и формирования противовеса нарастающему британскому влиянию.

Ключевую роль в развитии двусторонних связей на раннем этапе сыграла императрица Екатерина II, при которой были заключены первые межгосударственные договоры, в том числе «Трактат о дружбе, мореплавании и торговле» 1787 года, определивший правовую основу торгово-экономического взаимодействия⁵. Как свидетельствуют документы той эпохи, российская продукция — прежде всего лес, пенька и зерновые — стала поступать в португальские порты на регулярной основе, тогда как встречный поток из Португалии составляли вина, фрукты и колониальные товары ⁶.

⁴ Milhazes J. O que reserva a geopolítica russa para Portugal? // Observador. 24.11.2014. URL: <https://observador.pt/opiniao/o-que-reserva-geopolitica-russa-para-portugal/> (дата обращения: 16.10.2025).

⁵ Tratado de Amizade, Navegação e Comércio 1787 entre a Rússia e Portugal // BHL Consortium. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/bibliography/69632> (дата обращения: 16.10.2025).

⁶ Tratados de 1787 e 1799 // O Arquivo Nacional. URL: https://historialuso.arquivonacional.gov.br/index.php?option=com_content&view=article&id=5654:tratados-de-1787-e-1799&catid=2088&Itemid=215 (дата обращения: 16.10.2025).

Первым аккредитованным российским представителем в Лиссабоне стал Антон Борисович Жерребцов, получивший назначение посланника в 1779 году, а со стороны Португалии миссию в Санкт-Петербурге возглавил Франсишку Жозе Орта Машаду. Деятельность дипломатических корпусов обоих государств способствовала развитию не только политических, но и культурных контактов, положивших начало взаимному знакомству народов.

На протяжении свыше двух столетий российско-португальские отношения демонстрировали волнообразную динамику, при которой фазы активного сотрудничества чередовались с периодами снижения интенсивности связей. Наиболее глубокий разрыв наступил после 1917 года, когда дипломатические отношения между государствами были прерваны на срок свыше полувека вследствие непримиримых идеологических противоречий между советской социалистической системой и авторитарным режимом А. Салазара в Португалии [5].

Качественно новая страница в двусторонних отношениях открылась после «революции гвоздик» в Португалии в апреле 1974 года, следствием которой стало восстановление дипломатического диалога между государствами. Существенным фактором, повлиявшим на характер дальнейшего взаимодействия, явилось членство Португалии в НАТО и её присоединение к Европейским сообществам в 1986 году, что обязывало Лиссабон строить отношения с Москвой в рамках коллективных позиций данных объединений [6].

Девяностые годы и начало 2000-х годов ознаменовались заметным оживлением двусторонних контактов, нашедшим выражение в подписании ряда значимых соглашений, включая Договор о дружбе и сотрудничестве 1994 года. Первое

десятилетие XXI века стало наиболее продуктивным с точки зрения формирования устойчивых межличностных связей между представителями российского и португальского истеблишмента, когда были осуществлены первые в истории двусторонних отношений обмена визитами на высшем уровне.

Революционные потрясения в обоих государствах, образование Советского Союза и последующее утверждение антикоммунистического корпоративного режима А. Салазара в Португалии на протяжении более полувека исключали возможность полноценного межгосударственного общения. В этот период дипломатические отношения отсутствовали, официальные контакты были заморожены, а торговые операции осуществлялись лишь эпизодически при посредничестве третьих стран, при сохранении минимальных гуманитарных связей [7].

Идеологическая конфронтация между социалистической системой СССР и корпоративным государством Салазара усугублялась участием Португалии в НАТО с момента учреждения альянса в 1949 году. В обстановке холодной войны принадлежность к противостоящим военно-политическим блокам создавала серьёзные препятствия для развития двусторонних связей. Португальское руководство расценивало СССР как идеологического оппонента и источник потенциальной угрозы сложившемуся международному порядку [8].

Революционные события апреля 1974 года в Португалии сформировали условия для преодоления идеологического водораздела. Крушение режима Салазара-Каэтано и демократические преобразования в стране открыли путь к восстановлению дипломатических отношений между Москвой и Лиссабоном [9]. Тем не менее неудача радикальных левых партий, прежде

всего коммунистов, и торжество умеренных политических сил свидетельствовали о намерении Лиссабона ориентироваться на сближение с Западом, что вызвало определённое разочарование в советском руководстве.

На современном этапе идеологический фактор утратил определяющее значение в российско-португальских отношениях, уступив место прагматичному подходу, основанному на совпадении конкретных интересов. Португалия, будучи участницей ЕС и НАТО, тем не менее стремится проводить взвешенную линию, избегая чрезмерной политизации двусторонних связей с Россией. Такая установка формирует благоприятный фон для развития сотрудничества в сферах, представляющих обоюдный интерес.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Политика Вслед за распадом Советского Союза в декабре 1991 года Португальская Республика оперативно признала правопреемственность Российской Федерации в качестве суверенного государства, принявшего на себя международные права и обязательства СССР. Это решение, оформленное 26 декабря 1991 года, заложило правовые основы для выстраивания двусторонних отношений в новой геополитической реальности [10].

Признание Лиссабоном России правопреемницей Советского Союза содействовало демонтажу идеологических барьеров, позволив обеим сторонам формировать взаимодействие на базе демократических ценностей и рыночных принципов.

В указанный период португальская сторона обнаружила значительную заинтересованность в политическом диалоге с новой Россией, рассматривая её как значимого партнёра в складывающейся постбиполярной архитектуре международных отношений.

С момента признания России правопреемницей СССР началось интенсивное формирование обновлённой договорно-правовой базы двусторонних отношений [3]. Всего с 1974 года между государствами было заключено более двадцати соглашений, часть которых утратила силу после прекращения существования Советского Союза. Центральное место в новейшей истории двусторонних связей занял Договор о дружбе и сотрудничестве 1994 года, подписанный во время визита в Москву главы португальского правительства А. Каваку Силвы и вступивший в силу в сентябре 1996 года ⁷.

В девяностые годы XX века и на рубеже тысячелетий происходила активизация политического диалога между государствами. Первое десятилетие XXI столетия оказалось особенно продуктивным в плане налаживания личных контактов между представителями российского и португальского истеблишмента на различных уровнях — от высшего руководства до глав министерств и ведомств, деловых кругов и деятелей культуры. Именно в этот период произошёл первый в истории двусторонних отношений обмен визитами на уровне глав государств. Важной вехой стал официальный визит в Россию президента Португалии Ж. Сампайю и председателя парламента А. де Алмейду Сантуша

⁷ Tratado de Amizade e Cooperação 1994 Portugal-Rússia // Portal do Ministério Público. URL: https://gddc.ministeriopublico.pt/sites/default/files/documentos/instrumentos/tratado_amizade_cooperacao_portugal_russia.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

⁸ Relatório de Gerência // Parlamento. URL: <https://www.parlamento.pt/GestaoAR/Documents/oar/RelCGAR2001.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).

в 2001 году, увенчавшийся подписанием Консульской конвенции⁸. Характер российско-португальских политических отношений в середине 2000-х годов может быть определён как «постепенное сближение на основе совпадающих интересов». Усиление внимания Москвы к Лиссабону привело к оживлению межгосударственных контактов после визита в Португалию в 2004 году Президента В.В. Путина — первого посещения главой российского государства этой страны за 225 лет существования двусторонних связей⁹.

Позитивная динамика получила продолжение в ходе второго визита Президента В.В. Путина в Лиссабон в октябре 2007 года для участия в саммите Россия — Евросоюз в период председательства Португалии в ЕС. На совместной пресс-конференции российский лидер подчеркнул значимость доверия и условий деятельности российских компаний на территории европейских государств, включая Португалию, для дальнейшего развития двусторонних отношений¹⁰.

К 2014 году, ознаменовавшему одновременно 235-летие установления российско-португальских дипломатических отношений и 40-летие их восстановления, сложилась разветвлённая система двусторонних связей, охватывающая широкий диапазон направлений сотрудничества.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Несмотря на географическую удалённость и несопоставимость масштабов национальных экономик, обе стороны демонстрируют устойчивую заинтересованность в расширении взаимовыгодных торговых связей. Динамика двустороннего товарооборота на протяжении последних лет отличалась неравномерностью, обусловленной совокупностью внешних и внутренних факторов. В 2007–2013 годах наблюдалась устойчивая восходящая тенденция, и объём торговли достиг максимального значения в 2013 году – свыше 1 млрд. евро. Однако в 2014 году произошло резкое сокращение товарооборота до 593 млн. евро, что было непосредственно связано с введением санкционного режима¹¹. В дальнейшем торговые связи постепенно восстанавливались, и в 2016 году объём торговли достиг 951,1 млн. евро (таблица 1).

Структура российских поставок в Португалию традиционно отличается сырьевым характером: минеральное топливо, нефть и продукты её переработки формируют порядка 70% совокупного экспорта. Заметное место принадлежит чёрным металлам (12%), удобрениям (8%), каучуку и резинотехническим изделиям (4%). Продукция деревообработки составляет около 3% поставок. В последние годы наметился курс на диверсификацию экспортной номенклатуры за счёт наращивания отгрузок сельскохозяйственной

⁹ Vladimir Putin visita Portugal a 23 de Novembro // Publico. 20.09.2004. URL: <https://www.publico.pt/2004/09/20/politica/noticia/vladimir-putin-visita-portugal-a-23-de-novembro-1203960> (дата обращения: 16.10.2025).

¹⁰ Portugal recebe Presidente russo com pompa e desejo de criar pontes de diálogo // Publico. 25.10.2007. URL: <https://www.publico.pt/2007/10/25/mundo/noticia/portugal-recebe-presidente-russo-com-pompa-e-desejo-de-criar-pontes-de-dialogo-1308706> (дата обращения: 16.10.2025).

¹¹ Comércio Internacional Portugal - Rússia, 2024 // GEE. URL: <https://www.gee.gov.pt/pt/lista-publicacoes/estatisticas-de-comercio-bilateral/R%C3%BAssia/1720-comercio-internacional-de-portugal-com-russia/file> (дата обращения: 16.10.2025).

¹⁵ Comércio Internacional Portugal - Rússia, 2024 // GEE. URL: <https://www.gee.gov.pt/pt/lista-publicacoes/estatisticas-de-comercio-bilateral/R%C3%BAssia/1720-comercio-internacional-de-portugal-com-russia/file> (дата обращения: 16.10.2025).

Таблица 1. Динамика торгово-экономического сотрудничества между Россией и Португалией в 2007–2024 гг. (в млн евро)

Год	Объём торговли	Росс. экспорт	Росс. импорт	Сальдо	Статьи экспорта РФ	Статьи импорта РФ
2007	1578,1	1358,7	219,4	1139,3	Минеральное топливо, металлы	Оборудование, текстиль
2011	493,1	140,4	352,7	-212,3	Нефтепродукты, удобрения	Обувь, одежда
2012	838,3	388,5	449,8	-61,3	Металлы, химическая продукция	Машины, оборудование
2013	1010,3	489,7	520,6	-30,9	Топливо, металлы, древесина	Текстиль, оборудование
2014	593,0	151,4	441,6	-290,2	Минеральное топливо	Машины и оборудование
2015	620,3	265,5	354,8	-89,3	Топливо, суда	Одежда
2016	951,1	593,7	357,4	236,3	Топливо, древесина	Электрооборудование
2023	892,4	486,2	406,2	80,0	Зерно, минеральное топливо	Вино, оборудование
2024**	468,7	298,5	170,2	128,3	Зерно, удобрения	Пробка, оливковое масло

Источник: составлено автором на основании данных *The Observatory of Economic Complexity*¹².

продукции, в первую очередь зерновых культур¹³.

Португальский экспорт в Россию характеризуется более сбалансированной товарной структурой. Основными позициями являются оборудование и механические устройства (25%), текстиль и одежда (20%), электрические машины (15%), обувная продукция (12%), фармацевтические препараты (8%). Особую нишу занимает традиционная португальская продукция - пробка и изделия из неё,

на долю которых приходится около 5% экспорта¹⁴.

Существенные перемены в торгово-экономических связях произошли в 2022–2024 годах. Согласно данным за первое полугодие 2024 года, наблюдается трансформация структуры товарооборота с акцентом на формирование новых направлений взаимодействия. Приоритетное значение приобретает сотрудничество в агропромышленном секторе, где Россия расширяет поставки зерна, а Португалия

¹² Portugal (PRT) and Russia (RUS) Trade // The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/prt/partner/rus> (дата обращения: 16.10.2025)

¹⁴ Rússia - Relações com Portugal e oportunidades de negócio // Câmara de Comércio e Indústria Portuguesa (CCIP). URL: <https://www.ccip.pt/pt/newsletter-internacional/1216-russia-relacoes-com-portugal-e-oportunidades-de-negocio> (дата обращения: 16.10.2025).

увеличивает экспорт вина, оливкового масла и пробки [11].

Инвестиционная составляющая двусторонних отношений остаётся относительно скромной. По состоянию на 2023 год накопленные прямые российские инвестиции в португальскую экономику составили 236,2 млн. евро, тогда как португальские вложения в российскую экономику достигли 104,9 млн. евро. Российский капитал преимущественно направлялся в сферу недвижимости, туризма и энергетики¹⁵. Португальские инвестиции концентрировались в обрабатывающей промышленности и секторе услуг.

Введение санкционного режима повлекло значительное сжатие объёмов двусторонней торговли. В 2014 году товарооборот сократился до 593 млн. евро с 1010,3 млн. евро годом ранее. Особенно ошутимое падение зафиксировано в сфере российского экспорта, снизившегося с 489,7 до 151,4 млн. евро, что в первую очередь объяснялось ограничениями на поставки отдельных категорий товаров и затруднениями при осуществлении финансовых расчётов¹⁶.

Заметные изменения претерпела и структура торгово-экономических связей. Число португальских компаний, осуществлявших экспортные операции в Россию, сократилось с рекордных 639 в 2013 году до 512 в 2015 году. Португальский бизнес был вынужден переориентировать часть

товарных потоков на альтернативные рынки сбыта¹⁷.

Вместе с тем, несмотря на негативное воздействие санкционного режима, португальская сторона придерживается прагматичной линии в экономических отношениях с Россией. Как отмечал премьер-министр А. Кошта, Португалия не должна «заикливаться на санкционной теме» и стимулировать расширение ограничительных мер, а напротив, должна «перейти к созидательной фазе» двусторонних связей¹⁸. Подобная установка обеспечивает сохранение определённого уровня экономического взаимодействия даже в условиях действующих ограничений.

ОСОБЕННОСТИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ПОДХОДА К САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Португальская позиция в сфере санкционной политики в отношении России отличается стремлением найти баланс между солидарностью с партнёрами по ЕС и НАТО и сохранением возможностей для развития двустороннего сотрудничества. После смены власти в Португалии в конце 2015 года социалистическое правительство Антониу Кошты заняло более гибкую позицию по вопросу санкций, акцентируя необходимость возобновления продуктивного диалога с Москвой¹⁹.

Прагматизм португальского руководства выразился в курсе на минимизацию негативных последствий санкций

¹⁵ Статистика внешнего сектора // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения: 16.10.2025).

¹⁶ Portugal (PRT) and Russia (RUS) Trade // The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/prt/partner/rus> (дата обращения: 16.10.2025).

¹⁷ O posicionamento geopolítico e a política externa de Portugal // Ministério dos Negócios Estrangeiros. URL: <https://www.portugal.gov.pt/download-ficheiros/ficheiro.aspx?v=%3D%3DBAAAAAB%2BLCAAAAAAABACzsDA3AwDXjh5hBAAAAA%3D%3D> (дата обращения: 16.10.2025).

¹⁸ Sanctions on Russia should not penalize African countries // Club of Mozambique. URL: <https://clubofmozambique.com/news/sanctions-on-russia-should-not-penalize-african-countries-costa-235311/> (дата обращения: 16.10.2025).

¹⁹ Portugal e Rússia vão renovar acordo de colaboração económica // Público. 19.07.2016. URL: <https://www.publico.pt/2016/07/19/politica/noticia/portugal-e-russia-concluem-este-ano-novo-acordo-de-cooperacao-economica-1738736> (дата обращения: 16.10.2025).

для двусторонних торгово-экономических связей. Несмотря на общее сокращение товарооборота после 2014 года, Лиссабону удалось сохранить значительную часть экспортного потенциала: число португальских компаний, поставляющих продукцию в Россию, хотя и уменьшилось с 639 в 2013 году до 512 в 2015 году, продолжало обеспечивать существенный объём торговли²⁰.

Правительство обозначило экономическую дипломатию в качестве приоритетного направления деятельности, нацеленного на повышение привлекательности Португалии для зарубежных партнёров, привлечение иностранных инвестиций и наращивание экспорта товаров и услуг²¹. Данный подход позволил поддерживать деловые контакты даже в условиях ограничений, что нашло выражение в возобновлении деятельности Смешанной комиссии по экономическому, промышленному и техническому сотрудничеству в 2016 году.

При этом португальское руководство последовательно выступает против расширения санкционного давления на Россию, квалифицируя санкции как вынужденную меру, а не инструмент долгосрочной стратегии. Глава МИД Аугушту Сантуш Силва неоднократно подчёркивал необходимость сохранения каналов политического диалога с Москвой для решения международных проблем²².

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Перспективы российско-португальского диалога в решающей степени определяются способностью сторон поддерживать конструктивное взаимодействие даже в условиях нарастающей геополитической напряжённости. После смены власти в Португалии в 2015–2016 годах и прихода к руководству представителей Социалистической партии наметились позитивные тенденции в развитии двустороннего сотрудничества. Правительство Антониу Кошты продемонстрировало готовность к более гибкому подходу в отношениях с Россией, что создало предпосылки для активизации политических контактов.

Долгосрочные перспективы двусторонних связей в значительной мере связаны с расширением культурно-гуманитарного сотрудничества. Принятая португальским правительством Программа продвижения и распространения португальской культуры и языка, охватывающая 75 стран, включая Россию, формирует дополнительные возможности для углубления культурных связей [9]. Положительную динамику демонстрирует развитие туристического направления, которому способствует реализация совместной программы действий в области туризма.

Существенным фактором углубления двусторонних отношений может стать заинтересованность португальского руководства в развитии политического диалога на высшем уровне. Президент Португалии Марселу Ребелу де Соуза выразил

²⁰ Relações Económicas entre Portugal e a Rússia // Universidade de Évora. URL: <https://dspace.uevora.pt/rdpc/bitstream/10174/23067/1/Mestrado%20-%20Economia%20-%20Internacionaliza%C3%A7%C3%A3o%20e%20%20Competitividade%20-%20Cristiana%20Maria%20Vitorino%20Lopes%20-%20Rela%C3%A7%C3%B5es%20econ%C3%B3micas%20entre%20Portugal%20e%20a%20R%C3%BAssia.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).

²¹ O programa do XIX governo constitucional // Assembleia da República. URL: <https://www.parlamento.pt/Documents/prg-XII-1.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).

²² Presidente Marcelo Rebelo de Sousa recebido pelo Presidente Vladimir Putin // Presidência da República Portuguesa. URL: <https://www.presidencia.pt/actualidade/toda-a-actualidade/2018/06/presidente-marcelo-rebelo-de-sousa-recebido-pelo-presidente-vladimir-putin/> (дата обращения: 16.10.2025).

намерение посетить Россию и принять в Лиссабоне российского лидера, что свидетельствует о готовности к активизации контактов на высоком уровне.

ПОЗИЦИЯ СТРАН СООБЩЕСТВА ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН (CPLP) В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

В контексте развития российских связей с португалоязычным миром особое значение приобретает дифференцированная позиция государств — членов Сообщества португалоязычных стран (CPLP) по ключевым международным вопросам. Анализ документов показывает, что внутри организации существует заметное расхождение подходов к взаимодействию с Россией, порождающее как определённые вызовы, так и новые возможности для российской дипломатии.

Внутри CPLP сформировались три основные группы государств с различным отношением к международной повестке. К первой группе принадлежит Португалия, позиция которой как участницы ЕС и НАТО во многом определяется евроатлантической солидарностью. Вторую группу представляет Бразилия, проводящая самостоятельный внешнеполитический курс и ориентированная на развитие стратегического партнёрства с Россией в рамках БРИКС. Третью группу образуют африканские государства — участники CPLP (Ангола, Кабо-Верде, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Экваториальная Гвинея), в целом придерживающиеся неприсоединившейся позиции в мировых делах.

Примечательно, что все шесть португалоязычных государств Африки заключили соглашения о военно-техническом сотрудничестве с Россией. Последним из них

стало Сан-Томе и Принсипи, подписавшее в апреле 2024 года бессрочное соглашение о военном сотрудничестве с Российской Федерацией. При этом президент Гвинеи-Бисау Умару Сисоку Эмбало в ходе визита в Москву в мае 2024 года охарактеризовал своё государство как «постоянного и лояльного союзника» России²⁵.

В условиях трансформации глобальной архитектуры международных отношений государства CPLP обнаруживают растущую заинтересованность в диверсификации международных связей. Показательно, что большинство африканских участников CPLP воздерживаются от присоединения к санкционному давлению на Россию и продолжают развивать двустороннее сотрудничество в различных областях. Данная позиция формирует дополнительные возможности для укрепления российского присутствия в португалоязычном пространстве.

Важную роль в углублении отношений России со странами CPLP способна сыграть Португалия, обладающая обширным опытом взаимодействия с бывшими колониями и развитой инфраструктурой экономических и культурных связей в португалоязычном мире. Прагматичный подход Лиссабона к отношениям с Россией создаёт предпосылки для использования потенциала Португалии в качестве «моста» для развития сотрудничества с другими членами CPLP.

ПОТЕНЦИАЛ ПОРТУГАЛИИ КАК ПОСРЕДНИКА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ CPLP

Уникальное положение Португалии как основательницы Сообщества португалоязычных стран и одновременно

²⁵ Президент Гвинеи-Бисау прибыл в Москву // Ведомости. 08.05.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/05/08/1036152-prezident-gvinei-bisau> (дата обращения: 16.10.2025).

участницы ЕС и НАТО формирует потенциал для её посреднической роли в развитии отношений России с португалоязычным миром. Многовековой опыт Лиссабона в выстраивании отношений с бывшими колониями, глубокое понимание специфики этих государств и развитая инфраструктура экономических, культурных и образовательных связей создают благоприятные условия для использования португальского потенциала в интересах расширения сотрудничества России со странами CPLP [12].

Прагматичная линия португальского руководства в отношениях с Россией, выраженная в стремлении сохранять каналы диалога даже в условиях международной напряжённости, открывает возможности для задействования португальской экспертизы и связей в португалоязычном пространстве. Накопленный Португалией опыт взаимодействия с африканскими государствами может быть востребован российскими компаниями, заинтересованными в выходе на рынки португалоязычных стран.

Существенным фактором, определяющим посредническую роль Португалии, является её вклад в продвижение португальского языка и культуры в мире. Принятая правительством программа по распространению португальской культуры и языка в 75 странах создаёт дополнительные возможности для развития гуманитарного сотрудничества России с португалоязычными государствами при посредничестве португальских образовательных и культурных институтов²⁴.

Особое значение приобретает экономическая составляющая посреднической функции Португалии. Развитые деловые связи португальского бизнеса в странах

CPLP, знание особенностей местных рынков и бизнес-культуры способны содействовать более эффективному выходу российских компаний на рынки португалоязычных государств. При этом португальские компании могут выступать партнёрами российского бизнеса, предоставляя необходимую экспертизу и инфраструктуру для развития экономического сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет заключить, что политика Португалии в отношении России обладает существенной спецификой, выделяющей её на фоне других государств — членов ЕС и НАТО. Несмотря на формальное следование общей линии евроатлантических структур, португальский подход отличается повышенной гибкостью и прагматизмом, что создаёт предпосылки для сохранения конструктивного диалога даже в периоды международной напряжённости.

Неочевидным результатом исследования является выявление своеобразного «португальского парадокса» — ситуации, при которой членство страны в ЕС и НАТО не только не препятствует развитию отношений с Россией, но в определённой степени способствует их поддержанию благодаря возможности выступать в роли «моста» между Россией и западными структурами. Данная особенность португальской внешней политики создаёт уникальные возможности для развития двустороннего сотрудничества в условиях геополитической турбулентности.

Существенным выводом является осознание того, что растущее влияние России в португалоязычных странах

²⁴ Programa FAMI 2030 // XXIV Governo Constitucional. URL: <https://www.portugal.gov.pt/gc24/programa-do-xxiv-governo-pdf.aspx> (дата обращения: 16.10.2025).

Африки, традиционно рассматриваемых Лиссабоном как зона привилегированных интересов, парадоксальным образом не ведёт к ухудшению российско-португальских отношений. Напротив, это порождает дополнительные стимулы для Португалии к поддержанию диалога с Москвой и поиску взаимовыгодных форматов сотрудничества в третьих странах.

В среднесрочной перспективе можно прогнозировать сохранение дуалистического характера португальской политики в отношении России, сочетающей формальную солидарность с евроатлантическими

партнёрами и прагматичное стремление к развитию двустороннего сотрудничества. При этом вероятно усиление роли португалоязычного фактора в российско-португальских отношениях, что обусловлено как расширением российского присутствия в странах CPLP, так и заинтересованностью Португалии в реализации своего посреднического потенциала.

Долгосрочный прогноз позволяет предположить возможность формирования особой модели взаимодействия, при которой членство Португалии в западных структурах будет сочетаться с её ролью

ЛИТЕРАТУРА:

1. Nobre F.P.A. O Realismo Defensivo no Pensamento Estratégico da Rússia: A Agressão à Ucrânia em 2014. Lisboa: Universidade NOVA de Lisboa; 2022. 120 p.
2. Ермолович Д.Н. К вопросу об установлении дипломатических отношений между Российской империей и Португальским королевством. *Ибероамериканские тетради*. 2024;12(2):164-181.
3. Fernandes S., Lobo-Fernandes L.F. Uma forte presença no mundo: a diplomacia portuguesa e a Rússia. 2021. P. 13-25.
4. Чернявский С.И. У истоков российско-португальских отношений. *Ибероамериканские тетради*. 2018;(3):15-26.
5. Волосюк О.В. Иberoамерика и Россия: дипломатия и дипломаты. *Ибероамериканские тетради*. 2021;9(2):8-9.
6. Михайлин И.В. Из истории отношений СССР/России с Организацией Североатлантического договора. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2024;(1):81-91.
7. Milhazes J. Cunhal, Brejnev e o 25 de Abril. Lisboa: Leya; 2020. 320 p.
8. de Sá V., Pereira G.M. Do Porto ao Báltico, 1780: achegas para a história das relações entre Portugal e a Rússia. *História: revista da Faculdade de Letras da Universidade do Porto*. 2021;7:20-38.
9. Геташвили Н.В. Россия–Португалия: эпизоды культурных связей в XXI веке. *Электронный научно-исследовательский журнал «ARTE»*. 2022;(1):141-149.
10. Nunes D. Mikhail Gorbachov e o Fim do Império Soviético. Entre o Sonho e o Colapso de um Regime (Im) Perfeito. Lisboa: Leya; 2023. 280 p.
11. Monte A.P. et al. Fatores influenciadores do nível de literacia financeira dos gestores das PME: comparação entre Portugal e Rússia. XXVIII Jornadas Luso-Espanholas de Gestão Científica. 2023. P. 7-12.
12. Гарбузов В.Н. Зигзаги постимперского синдрома. *США&Канада: экономика, политика, культура*. 2022;(7):37-57.

REFERENCES

1. Nobre F.P.A. O Realismo Defensivo no Pensamento Estratégico da Rússia: A Agressão à Ucrânia em 2014. Lisbon: Universidade NOVA de Lisboa; 2022. 120 p.
2. Ermolovich D.N. On the establishment of diplomatic relations between the Russian Empire and the Portuguese Kingdom. *Iberoamerikanskije tetradi*. 2024;12(2):164-181. (In Russ.).
3. Fernandes S., Lobo-Fernandes L.F. Uma forte presença no mundo: a diplomacia portuguesa e a Rússia. 2021. P. 13-25.
4. Chernyavsky S.I. At the origins of Russian-Portuguese relations. *Iberoamerikanskije tetradi*. 2018;(3):15-26. (In Russ.).
5. Volosyuk O.V. Iberoamerica and Russia: diplomacy and diplomats. *Iberoamerikanskije tetradi*. 2021;9(2):8-9. (In Russ.).
6. Mikhailin I.V. From the history of USSR/ Russia relations with the North Atlantic Treaty Organization. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*. 2024;(1):81-91. (In Russ.).
7. Milhazes J. Cunhal, Brejnev e o 25 de Abril. Lisbon: Leya; 2020. 320 p.
8. de Sá V., Pereira G.M. Do Porto ao Báltico, 1780: achegas para a história das relações entre Portugal e a Rússia. *História: revista da Faculdade de Letras da Universidade do Porto*. 2021;7:20-38.
9. Getashvili N.V. Russia–Portugal: episodes of cultural ties in the 21st century. *Elektronnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «ARTE»*. 2022;(1):141-149. (In Russ.).
10. Nunes D. Mikhail Gorbachov e o Fim do Império Soviético. Entre o Sonho e o Colapso de um Regime (Im) Perfeito. Lisbon: Leya; 2023. 280 p.
11. Monte A.P. et al. Fatores influenciadores do nível de literacia financeira dos gestores das PME: comparação entre Portugal e Rússia. XXVIII Jornadas Luso-Espanholas de Gestão Científica. 2023. P. 7-12.
12. Garbuzov V.N. Zigzags of the post-imperial syndrome. *USA&Canada: ekonomika, politika, kultura*. 2022;(7):37-57. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вадюшка В. Велиньо Родригес

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
1032185194@pfur.ru

Vadyuska V. Velinho Rodrigues

RUDN University, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia;
1032185194@pfur.ru

Роль Центральной Азии в энергетической стратегии Турции

Дина Толеген

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия
dina.tolegen.18@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается стратегическая роль Центральной Азии в энергетической стратегии Турции и выявлению ключевых факторов, определяющих перспективы двустороннего и многостороннего сотрудничества. Турция, не обладая значительными запасами нефти и газа, рассматривает регион как важнейший источник диверсификации поставок и одновременно как пространство для укрепления своей роли транзитного узла, соединяющего ресурсы Каспия с европейскими рынками. В центре внимания находятся Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, которые играют ведущую роль в мировой добыче нефти, природного газа и урана и формируют энергетический потенциал региона. Анализируются основные направления сотрудничества: развитие транспортной инфраструктуры, включая Средний коридор (логистический маршрут, соединяющий Китай с Европой через Центральную Азию), модернизацию существующих нефтегазовых маршрутов, а также перспективы строительства Транскаспийского газопровода, который рассматривается как стратегический проект для диверсификации экспортных потоков. Отдельное внимание уделяется возобновляемым источникам энергии: Казахстан и Узбекистан активно реализуют проекты в области солнечной и ветровой энергетики, тогда как Туркменистан делает первые шаги в этом направлении. Участие турецких компаний в создании логистических центров, железнодорожных линий, портов и энергетической инфраструктуры способствует углублению интеграции региона в евразийскую энергетическую и транспортную систему. При этом подчёркивается, что сотрудничество сопровождается рядом вызовов: инфраструктурными ограничениями, правовыми и экологическими барьерами, финансовыми рисками. Турция вынуждена балансировать между интересами глобальных игроков, одновременно продвигая концепцию тюркской солидарности и формируя новые форматы сотрудничества. Сделан вывод, что Центральная Азия становится не только поставщиком энергоресурсов, но и ключевым звеном в формирующейся евразийской энергетической архитектуре, где Турция стремится утвердиться как стратегический посредник и энергетический мост между Востоком и Европой.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Транскаспийский газопровод, Средний коридор

Для цитирования: Толеген Д. Роль Центральной Азии в энергетической стратегии Турции. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(4):341-351. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-341-351>

Поступила 17.09.2025

Принята в печать 19.11.2025

Опубликована 30.12.2025

The Role of Central Asia in Turkey's Energy Strategy

Dina Tolegen

*Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,
dina.tolegen.18@gmail.com*

Abstract: The article examines the strategic role of Central Asia in Turkey's energy policy and identifies the key factors that determine the prospects for bilateral and multilateral cooperation. Turkey, lacking substantial oil and gas reserves, regards the region as a crucial source of supply diversification and, at the same time, as a platform for strengthening its role as a transit hub linking Caspian resources with European markets. The focus is on Kazakhstan, Turkmenistan, and Uzbekistan, which play a leading role in global production of oil, natural gas, and uranium, thereby shaping the region's energy potential.

The article analyzes the main areas of cooperation: the development of transport infrastructure, including the Middle Corridor (a logistics route connecting China with Europe via Central Asia), the modernization of existing oil and gas routes, as well as the prospects for constructing the Trans-Caspian Gas Pipeline, which is seen as a strategic project for diversifying export flows. Special attention is paid to renewable energy sources: Kazakhstan and Uzbekistan are actively implementing solar and wind power projects, while Turkmenistan is making its first steps in this field. The participation of Turkish companies in building logistics centers, railways, ports, and energy infrastructure contributes to deeper integration of the region into the Eurasian energy and transport system.

At the same time, it is emphasized that cooperation is accompanied by a number of challenges: infrastructural limitations, legal and environmental barriers, and financial risks. Turkey is compelled to balance between the interests of global players while simultaneously promoting the concept of Turkic solidarity and shaping new formats of regional cooperation.

The study concludes that Central Asia is becoming not only a supplier of energy resources but also a key link in the emerging Eurasian energy architecture, where Turkey seeks to establish itself as a strategic mediator and an energy bridge between the East and Europe.

Keywords: Turkey, Central Asia, Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan, Trans-Caspian Gas Pipeline, Middle Corridor

For citation: Tolegen D. The Role of Central Asia in Turkey's Energy Strategy. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(4):341-351. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-341-351>

Received 17.08.2025

Revised 19.11.2025

Published 30.12.2025

ВВЕДЕНИЕ

В последние два десятилетия Турция активно переосмысливает свою внешнеполитическую и энергетическую стратегию, стремясь выйти за рамки традиционных источников энергообеспечения и укрепить своё влияние на евразийском пространстве. В этом контексте Центральная Азия занимает ключевое место в стратегических расчетах Анкары [1, с. 81]; [2, с. 118]. Регион, обладающий богатыми ресурсами нефти, газа и урана, представляет не только энергетический интерес, но и открывает широкие геозкономические и геополитические возможности для Турции [3, с. 136].

На фоне глобальных энергетических трансформаций — перехода к зелёной энергетике, декарбонизации, а также повышения цен на углеводороды — значение Центральной Азии как альтернативного поставщика энергоресурсов возрастает [4, с. 35]. Турция, не обладая собственными значительными запасами нефти и газа, рассматривает регион как критически важное звено в диверсификации поставок и укреплении энергетической безопасности [5, с. 542]. Одновременно она стремится стать транзитным узлом между Востоком и Западом, соединяя каспийские ресурсы с европейскими рынками.

Однако энергетическое сотрудничество Турции с государствами Центральной Азии — это не только вопрос логистики и импорта. Оно сопряжено с более широкими стратегическими задачами: продвижением тюркской солидарности, усилением экономического влияния и балансировкой

отношений с Россией, Китаем, Ираном и Западом [6, с. 8; 7, с. 244]. Таким образом, энергетика превратилась в инструмент «мягкой силы» и регионального лидерства.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Центральная Азия обладает одними из крупнейших в мире запасов природных ресурсов, что делает регион важным элементом глобальной энергетической архитектуры [4, с. 33; 5, с. 540]. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан — ключевые игроки в области добычи и экспорта нефти, природного газа и урана.

Казахстан занимает ведущие позиции по объемам добычи урана и нефти [3, с. 140]. С 2009 года Казахстан является ведущим мировым производителем урана, доля которой превышает 40 % мирового производства. В 2024 году добыча урана составила около 23 270 тонн, ожидаемый объём на 2025 год — 25 000–26 500 тонн¹.

Страна обладает доказанными запасами нефти объёмом 30 миллиардов баррелей, что ставит страну на 12-е место в мире по этому показателю². Согласно данным Министерства энергетики Казахстана, по итогам 2024 года добыто 87,7 млн. тонн нефти, что составляет 97,1% от запланированного объёма (~90–100 млн. тонн)³, при этом значительная часть добычи сосредоточена в крупнейших месторождениях, таких как Кашаган, Тенгиз и Карачаганак⁴. В июне 2025 года добыча нефти (исключая конденсат) составила

¹ World Nuclear Association. Uranium and Nuclear Power in Kazakhstan. 10.06.2025. <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/kazakhstan> (дата обращения: 23.08.2025).

² Доказанные запасы нефти в Казахстане достигли 30 млрд баррелей. 11.02.2025. <https://neftegaz.ru/news/gas/878950-dokazannyye-zapasy-nefti-v-kazakhstane-dostigli-30-mlrd-barreley/> (дата обращения: 11.08.2025).

³ Ministry of Energy of Kazakhstan. 2024 results and strategic plans for 2025. 06.2025. <https://primeminister.kz/en/news/reviews/ministry-of-energy-of-kazakhstan-2024-results-and-strategic-plans-for-2025-29771> (дата обращения: 11.08.2025).

⁴ Kazakhstan's Energy Ministry Lists Oil Reserves, Export Metrics. 26.03.2024. <https://timesca.com/kazakhstan-energy-ministry-lists-oil-reserves-export-metrics/> (дата обращения: 12.06.2025).

1,88 млн. барр./сут — это совпадает с мартовским историческим максимумом и значительно превышает квоту ОПЕК+ в 1,5 млн. барр./сут⁵. По объёму добычи Казахстан стабильно входит в топ-10 крупнейших в мире производителей нефти⁶. С целью увеличения добычи в будущем, Казахстан активно развивает инфраструктуру и привлекает инвестиции в нефтегазовый сектор. Страна планирует нарастить добычу нефти до 97–100 млн. тонн к 2025–2027 гг., опираясь на модернизацию перерабатывающей инфраструктуры и стратегическое привлечение инвестиций⁷. С этой целью страна активно инвестирует в крупные инфраструктурные проекты: расширение Юго-Каспийского трубопровода, модернизацию нефтеперерабатывающих заводов в Атырау, Павлодаре и Шымкенте с доведением глубины переработки до 89 % и мощностью переработки около 17 млн. тонн топлива в год⁸. Также разработана долгосрочная стратегия развития нефтепереработки

на период 2025–2040 гг., включающая расширение экспортного потенциала топлива до 30% от объёма переработки и активное привлечение иностранных инвестиций совместно с международными консорциумами Тенгиз, Кашаган и Карачаганак⁹.

Туркменистан — один из крупнейших обладателей запасов природного газа [4, с. 38]. По оценкам международных энергетических организаций, объём его доказанных запасов составляет порядка 13–14 трлн. м³¹⁰, что позволяет стране занимать четвёртое место в мире после России, Ирана и Катара¹¹. Крупнейшее месторождение Галкиныш является вторым по величине газовым месторождением в мире¹². В 2024 году страна произвела более 77,6 млрд. м³ газа и 8,3 млн. тонн нефти¹³.

Узбекистан обладает значительными запасами урана, оцениваемыми в более чем 100 000 тонн¹⁴, что ставит страну на 10-е место в мире по этому показателю. В 2024 году Узбекистан увеличил объём производства урана на 12% по сравнению

⁵ Reuters. Kazakhstan's oil output returns to growth in June, matching record high. 01.07.2025. <https://www.reuters.com/business/energy/kazakhstan-oil-output-returns-growth-june-matching-record-high-2025-07-01/> (дата обращения: 28.08.2025).

⁶ Reuters. Kazakhstan's daily oil output at record high amid Chevron-led expansion. 27.01.2025. <https://www.reuters.com/markets/commodities/kazakhstan-daily-oil-output-record-high-amid-chevron-led-expansion-2025-01-27/> (дата обращения: 12.08.2025).

⁷ Yvision.kz. Энергетический потенциал Казахстана: масштабные проекты в нефтегазовой отрасли. 05.09.2025. <https://yvision.kz/post/energeticheskiy-potencial-kazahstana-masshtabnye-proekty-v-neftegazovoy-otrasli-1016937> (дата обращения: 17.09.2025).

⁸ Reuters. Chevron starts \$48 billion Kazakh oilfield expansion. 24.01.2025. <https://www.reuters.com/markets/commodities/chevron-starts-48-billion-kazakh-oilfield-expansion-2025-01-24/> (дата обращения: 28.08.2025).

⁹ Kazakhstan approves 2025-2040 oil processing strategy. 22.07.2025. <https://qazinform.com/news/kazakhstan-approves-2025-2040-oil-processing-strategy-7b20f6> (дата обращения: 28.08.2025).

¹⁰ Oxford Institute for Energy Studies. Turkmenistan: The gas monetization challenge. 09.2024. <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2024/09/Turkmenistan-The-gas-monetization-challenge.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

¹¹ Turkmenistan — Overview. 2024. <https://www.worldbank.org/en/country/turkmenistan/overview> (дата обращения: 15.08.2025).

¹² Туркменистан начал строительство нефтепровода в Афганистан. 19.09.2024. <https://centralasianlight.org/ru/news/turkmenistan-nachal-stroitelstvo-nefteprovoda-v-afganistan/> (дата обращения: 09.06.2025).

¹³ In 2024, Turkmenistan Produced Over 77.6 Billion Cubic Meters of Gas and Over 8.3 Million Tons of Oil. 10.02.2025. <https://www.oilgas.gov.tm/en/posts/news/13104/in-2024-turkmenistan-produced-over-776-billion-cubic-meters-of-gas-and-over-83-million-tons-of-oil> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁴ Daryo.uz. Uzbekistan key global player in uranium industry. 15.09.2023. <https://daryo.uz/en/2023/09/15/uzbekistan-key-global-player-in-uranium-industry> (дата обращения: 21.08.2025).

с предыдущим годом¹⁵. Страна также планирует вдвое увеличить добычу урана к 2030 году¹⁶, что укрепит её позиции на мировом рынке ядерного топлива.

Страна всё более укрепляет свой статус не только как поставщик природного газа, но и как ключевая транзитная страна в региональной энергетической инфраструктуре. В январе–мае 2025 года объём экспорта газа составил \$288 млн, увеличившись на 62 %, тогда как импорт снизился более чем вдвое — до \$285 млн, что подчёркивает восстановление экспортной динамики¹⁷. С 2023 года Узбекистан участвует в ключевом транзитном маршруте: через территорию Казахстана было поставлено около 5,6 млрд. м³ российского газа, а с 2026 года поставки ожидаются в объёме 11 млрд. м³ в год¹⁸. Таким образом, Узбекистан наращивает стратегическую роль энергетического узла, сочетая экспорт собственных ресурсов, импорт газа (включая российский и туркменский), и трансграничную транспортировку [8, с. 13].

Эти ресурсы формируют основу энергетического суверенитета региона и открывают значительный потенциал для внешнего сотрудничества, включая взаимодействие с Турцией. Ресурсный потенциал региона в условиях энергетического перехода также приобретает новое значение — в виде инвестиций в солнечную и ветровую энергетику, что дополняет традиционные углеводородные активы.

Таким образом, Центральная Азия — это не только поставщик энергоносителей,

но и ключевой узел на формирующейся евразийской энергетической карте. Для Турции данный регион открывает стратегические перспективы как в сфере обеспечения импорта, так и в развитии новых транзитных маршрутов.

ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия занимает уникальное транзитное положение между Восточной Азией, Ближним Востоком, Россией и Европой [2, с. 121]. Именно это географическое преимущество превращает её в стратегически важный регион для развития энергетической и транспортной инфраструктуры, особенно в условиях растущей конкуренции за альтернативные маршруты доставки энергоносителей. Современная логистика в регионе служит как для внутренней интеграции государств Центральной Азии, так и для выхода их продукции на внешние рынки.

Особое внимание уделяется **Среднему коридору (Trans-Caspian International Transport Route — TITR)**, который проходит из Китая через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию в Европу. Этот маршрут приобретает особое значение на фоне геополитических изменений, санкционного давления и ограничений, связанных с традиционными северными (через Россию) и южными (через Иран) маршрутами [1, с. 84]. Средний коридор рассматривается

¹⁵ Xinhua. Uranium production in Uzbekistan increased by 12 percent in the first half-year. 14.07.2024. <https://english.news.cn/asiapacific/20240714/8899af1ef4e44ff18fd55d5baa8480ca/c.html> (дата обращения: 21.08.2025).

¹⁶ Kun.uz. Uzbekistan plans to double uranium production. 18.07.2022. <https://kun.uz/en/94806634> (дата обращения: 21.08.2025).

¹⁷ Times of Central Asia. Gas crunch in Uzbekistan: Industry falters as demand surges. 28.02.2024. <https://timesca.com/gas-crunch-in-uzbekistan-industry-falters-as-demand-surges/> (дата обращения: 21.08.2025).

¹⁸ Caspian Post. Russian Gas Transit to Uzbekistan via Kazakhstan Sees Steady Growth. 15.07.2025. <https://caspianpost.com/economics/russian-gas-transit-to-uzbekistan-via-kazakhstan-sees-steady-growth> (дата обращения: 21.08.2025).

как более безопасный, гибкий и экономически выгодный для стран региона, а Турция выступает в нём не только как конечный пункт, но и как активный участник развития всей транспортной цепочки. В 2022 году объём грузоперевозок по этому маршруту удвоился до 1,5 млн. тонн¹⁹, что свидетельствует о растущем интересе к этому пути. Однако существуют вызовы, такие как ограниченные мощности портов и железных дорог, а также отсутствие единой тарифной структуры. В 2024 году объём грузоперевозок по Среднему коридору составил около 4,1–4,5 млн. тонн грузов, что на 62–63 % выше показателя 2023 года²⁰. По итогам первых семи месяцев 2024 года через коридор было транспортировано 2,56 млн. тонн, тогда как за весь 2023 год объём составил 2,76 млн. тонн²¹.

На уровне энергетической инфраструктуры Центральная Азия активно развивает систему магистральных трубопроводов. Казахстан экспортирует нефть через Каспий к азербайджанским терминалам, где она может быть направлена в Турцию по трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан [5, с. 545].

Транскаспийский газопровод представляет собой важный проект, направленный на транспортировку туркменского

газа в Европу через Каспийское море и Азербайджан [9, с. 245]. В 2024 году Туркменистан подтвердил своё участие в строительстве этого газопровода, что рассматривалось в качестве укрепления энергетического сотрудничества Турции и Европейским Союзом²².

Туркменистан заинтересован в развитии Транскаспийского газопровода, который позволил бы экспортировать туркменский газ в Европу в обход Ирана и России — через Каспий, Азербайджан и Турцию, подключаясь к трубопроводам TANAP и далее к Южному газовому коридору. В свою очередь, Турция рассматривает Транскаспийский газопровод как ключевой компонент своей стратегии диверсификации поставок и позиционирования себя в качестве транзитного хаба между Центральной Азией и Европой [4, с. 41; 5, с. 546]. С введением газового swap-механизма (компенсационный механизм) с Туркменистаном через Иран, начавшего работу с 1 марта 2025 года²³, Турция впервые начала получать газ из Туркменистана. Эрдоган подтвердил намерение начать прямой импорт туркменского газа через данный трубопровод в течение пяти лет, что соответствует плану Турции стать ключевым транзитным узлом и усилить энергетическую связь с ЕС²⁴.

¹⁹ OECD. Realising the Potential of the Middle Corridor. 12.2023. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/realising-the-potential-of-the-middle-corridor_c458041c.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

²⁰ STEM Lab. Cargo Traffic on the “Middle Corridor” increased by 62 % in 2024. 06.02.2025. <https://stem-lab.az/en/article/cargo-traffic-on-the-middle-corridor-increased-by-62-in-2024-1284> (дата обращения: 15.08.2025).

²¹ UIRR (via RailFreight.com). Middle Corridor freight volumes: over 60 % growth. 2024. <https://www.railfreight.com/beltandroad/2024/08/30/middle-corridor-freight-volumes-grow-by-more-than-60/> (дата обращения: 15.08.2025).

²² Туркменистан подтвердил своё участие в строительстве Транскаспийского газопровода. 27.07.2023. <https://asia24.media/news24/turkmenistan-podtverdil-svoe-uchastie-v-stroitelstve-transkaspiskogo-gazoprovoda/> (дата обращения: 10.06.2025).

²³ Turkey, Turkmenistan agree gas supply deal for March. 11.02.2025. <https://www.reuters.com/business/energy/turkey-turkmenistan-agree-gas-supply-deal-march-2025-02-11/> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁴ Turkey eyes direct Turkmen gas supply via Caspian pipeline within five years: Erdoğan. 26.07.2024. <https://www.iranoilgas.com/news/details.aspx?id=27586&title=Turkey+eyes+direct+Turkmen+gas+supply+via+Caspian+pipeline+within+five+years%3A+Erdo%27C4%9Fan> (дата обращения: 19.08.2025).

Таким образом, для Турции Транскаспийский газопровод — это не только возможность диверсифицировать импорт природного газа, но и стратегический инструмент геоэнергетического влияния, усиливающий её роль как энергетического моста между Азией и Европой в структуре формирующегося евразийского газового транзита.

Кроме углеводородных проектов, важным направлением становится развитие **электроэнергетики и возобновляемых источников энергии (ВИЭ)**. Казахстан, Узбекистан и Туркменистан активно модернизируют электрические сети и строят солнечные и ветровые станции, которые также в будущем могут быть интегрированы в региональные и трансрегиональные энергосети.

Казахстан демонстрирует наиболее высокие темпы внедрения «зелёной» энергетики. По состоянию на июнь 2025 года установленная мощность объектов ВИЭ составила 3 122,12 МВт²⁵. В 2024 году были введены в эксплуатацию восемь новых проектов общей мощностью 163,35 МВт, среди которых СЭС на 20 МВт в Жамбылской области, две малые ГЭС суммарной мощностью около 18 МВт и несколько ветровых электростанций

(125,45 МВт) в Акмолинской, Актюбинской, Атырауской и Мангистауской областях²⁶. В 2025 году планируется запуск ещё девяти проектов суммарной мощностью 455,5 МВт.

Узбекистан также демонстрирует значительные успехи. В 2024–2025 годах установленная мощность объектов возобновляемой энергетики достигла 5,166 ГВт, что на 80 % больше по сравнению с предыдущим годом²⁷. Среди наиболее инновационных проектов выделяется гибридный энергокомплекс компании Voltalia мощностью 526 МВт, сочетающий солнечные и ветровые установки с системой хранения²⁸. В 2024 году при поддержке Всемирного банка началось строительство солнечной станции в Хорезмской области мощностью 240 ГВт•ч в год, рассчитанной на снабжение электроэнергией более 60000 домохозяйств и сокращение выбросов на 230000 тонн ежегодно²⁹.

Туркменистан, в отличие от соседей, пока серьёзно отстаёт в области возобновляемых источников. Совокупная мощность ВИЭ в 2024 году составляла всего около 2 МВт³⁰. Однако в сентябре 2024 года был подписан контракт с компанией Masdar (ОАЭ) на строительство солнечной электростанции мощностью

²⁵ Kazakhstan's Renewable Energy Share Hits 6.8% in First Half of 2025. 15.07.2025. <https://astanatimes.com/2025/07/kazakhstan-renewable-energy-share-hits-6-8-in-first-half-of-2025/> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁶ Kazakhstan to Launch 9 RES Projects in 2025. 10.01.2025. <https://centralasiacclimateportal.org/kazakhstan-to-launch-9-res-projects-in-2025/> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁷ Insider's View: Uzbekistan, U.S., a New Era of Environmentally Friendly and Energy-Efficient Investment. 12.08.2025. <https://timesca.com/insiders-view-uzbekistan-u-s-a-new-era-of-environmentally-friendly-and-energy-efficient-investment/> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁸ Central Asia's Renewable Energy Drive: A Strategic Pivot Towards Sustainability. 23.06.2025. <https://moderndiplomacy.eu/2025/06/23/central-asias-renewable-energy-drive-a-strategic-pivot-towards-sustainability/> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁹ Uzbekistan to Launch a New Solar Plant with Support from the World Bank Group. 23.12.2024. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/23/uzbekistan-to-launch-a-new-solar-plant-with-support-from-the-world-bank-group> (дата обращения: 19.08.2025).

³⁰ Renewable Energy in Central Asia: Turkmenistan Is Lagging Behind Its Neighbors. 03.03.2024. <https://progressonline/society/environment/renewable-energy-in-central-asia-turkmenistan-is-lagging-behind-its-neighbors/> (дата обращения: 19.08.2025).

100 МВт — первого крупного проекта в этой сфере³¹.

Турция заинтересована не только в транспортировке ресурсов, но и в **участии в строительстве и управлении инфраструктуры**. Турецкие компании активно участвуют в строительстве логистических центров, железных дорог, портов, хранилищ и перерабатывающих мощностей, в частности: ведущий подрядчик Kalyon İnşaat строит железнодорожный коридор Турция–Азербайджан через Южный Кавказ, интегрируя Центральную Азию с европейскими маршрутами³²; за счёт логистического опыта Akfen Holding и других турецких компаний развиваются транспортные хабы, способствующие связям с Казахстаном и Узбекистаном в рамках Среднего коридора³³; энергетические госкомпании ТРАО и BOTAŞ участвуют в туркменских нефтегазовых проектах и инфраструктуре для транзита газа через Турцию в ЕС³⁴. Таким образом, Турция позиционирует себя как «мост» между Центральной Азией и европейским энергетическим рынком, одновременно укрепляя своё влияние в регионе.

В целом, развитие транспортных и энергетических коридоров Центральной Азии становится важнейшим элементом стратегии экономической безопасности и регионального сотрудничества. В этом

контексте Турция стремится не только воспользоваться инфраструктурными преимуществами региона, но и быть архитектором новых форм евразийского энергетического взаимодействия.

ВЫЗОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Энергетическое сотрудничество Турции с государствами Центральной Азии, несмотря на значительный потенциал, сталкивается с рядом системных вызовов. Так, сохраняются правовые и институциональные барьеры, несмотря на то, что Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. создала основу для сотрудничества, вопросы экологической безопасности и согласования позиций прикаспийских стран остаются нерешёнными³⁵.

Существенным препятствием является и инфраструктурная недостаточность: пропускная способность железнодорожных и портовых узлов ограничена, а проекты строительства Транскаспийского газопровода и региональных энергосетей требуют значительных инвестиций³⁶.

Финансовые риски усугубляются внутренними экономическими трудностями Турции и осторожной позицией международных институтов, которые охотнее

³¹ Masdar Signs Agreement for 100 MW Solar Project in Turkmenistan. 19.09.2024. <https://www.pvknowhow.com/news/masdar-turkmenistan-solar-plant-amazing-100-mw-project/> (дата обращения: 19.08.2025).

³² Türkiye's Kalyon to link Asia, Europe with Zangezur Corridor railway. 25.08.2025. <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkiyes-kalyon-to-link-asia-europe-with-zangezur-corridor-railway> (дата обращения: 28.08.2025).

³³ Akfen Holding. 2025. https://en.wikipedia.org/wiki/Akfen_Holding (дата обращения: 28.08.2025).

³⁴ Strategic Cooperation Between Turkey and Turkmenistan Gains Momentum. 09.07.2024. <https://timesca.com/strategic-cooperation-between-turkey-and-turkmenistan-gains-momentum/> (дата обращения: 28.08.2025).

³⁵ Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. 2018. https://treaties.un.org/doc/Treaties/2018/08/20180812%2003-12%20PM/Ch_XXVII_13.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

³⁶ OECD. Realising the Potential of the Middle Corridor. 12.2023. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/realising-the-potential-of-the-middle-corridor_c458041c.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

поддерживают проекты в сфере ВИЭ, чем углеводородные инициативы³⁷ [3, с. 147].

Многие проекты, включая Транскаспийский трубопровод, пока остаются на уровне обсуждений. Отсутствие физической инфраструктуры, высокие капитальные затраты и отсутствие единых стандартов усложняют процесс интеграции региональных сетей с турецкими [10, с. 52].

Инвесторы сталкиваются с рисками, связанными с волатильностью валют, недостаточной прозрачностью законодательной базы и слабой защитой прав собственности в некоторых странах Центральной Азии. Это сдерживает участие частного капитала и тормозит реализацию крупных транснациональных проектов [11, с. 583].

Развитие энергетических коридоров и добычи ресурсов нередко сопровождается экологическими рисками. Кроме того, многие страны региона испытывают нехватку современных технологий для эффективной переработки и транспортировки энергоресурсов.

Несмотря на ряд серьезных вызовов, Турция и страны Центральной Азии обладают существенным потенциалом для расширения энергетического сотрудничества. Оно может стать не только экономическим ресурсом, но и рассматривается в качестве инструмента укрепления политической и культурной интеграции в рамках тюркского мира. Успех зависит от баланса между национальными интересами, региональной координацией и способностью участников справляться с внешними вызовами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральная Азия остаётся важным стратегическим партнёром для Турции в сфере энергетики. Активное сотрудничество в области добычи и транзита углеводородов, а также развитие транспортной инфраструктуры, открывают новые возможности для обеих сторон. Однако для успешной реализации совместных проектов необходимо преодолеть существующие вызовы и обеспечить стабильность в регионе.

Политика Турции в отношении государств Центральной Азии в энергетической сфере выступает одним из приоритетных направлений её внешнеполитической и геэкономической стратегии [1, с. 87]. Центральная Азия, обладающая значительным ресурсным потенциалом, особенно в области углеводородов и урана, представляет собой естественного партнера для Турции, стремящейся диверсифицировать энергетические потоки и укрепить свою роль в качестве транзитного хаба между Востоком и Европой [6, с. 9; 7, с. 245].

Транспортные коридоры, такие как Средний путь, и проекты по модернизации инфраструктуры создают реальную основу для долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества. Участие Турции в институтах тюркского мира, таких как ОТГ, усиливает политическую поддержку энергетическим инициативам и формирует общее цивилизационное и стратегическое пространство.

Однако на этом пути существуют и вызовы — от геополитических противоречий до инфраструктурных и инвестиционных рисков. Реализация амбициозных проектов

³⁷ World Bank. Uzbekistan to Launch a New Solar Plant with Support from the World Bank Group [Электронный ресурс]. 23.12.2024. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/23/uzbekistan-to-launch-a-new-solar-plant-with-support-from-the-world-bank-group> (дата обращения: 23.08.2025).

требует скоординированных действий, институциональной прочности и устойчивого финансирования. Турции предстоит лавировать между интересами глобальных и региональных игроков, одновременно предлагая странам Центральной Азии конструктивную повестку, в которой энергетика — не только инструмент экономического роста, но и основа

для формирования устойчивого и сбалансированного Евразийского партнерства.

Таким образом, роль Центральной Азии в энергетической стратегии Турции будет неуклонно возрастать, превращаясь из прагматического расчета в долговременный вектор политики, основанный на взаимной зависимости, культурной близости и стратегическом доверии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дмитриева О.А. Геополитика по-турецки: Центральная Азия во внешней политике Турции. *Евразийские исследования*. 2025;70:79-88. DOI: 10.48647/ISSA.2025.70.79.007.
2. Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях. *Известия Восточного института*. 2024;1:116-123. DOI: 10.24866/2542-1611/2024-1/116-123.
3. Сбитнева А.И. Турция в Центральной Азии: региональные тенденции. *Россия и новые государства Евразии*. 2024;4:133-151. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-133-151.
4. Жильцов С. С., 2021. Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе. *Геоэкономика энергетики*. 2021;2(14):32-47. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_14_2_32
5. Austvik O.G., Rzayeva G. Turkey in the geopolitics of energy. *Energy Policy*. 2017;107: 539-547. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.05.008.
6. Мусаев А. Потенциал интеграции Центральной Азии в свете возвышения «тюркского мира». *Reforma*. 2023;97:6-10. DOI: 10.29228/RefReform.1263032.
7. Kanapiyanova Zh. Review of the Geopolitics of the Turkic World, by F. Karaman. *Eurasian Research Journal*. 2025;7(2):243-245.
8. Муртазаева Ш.М. Роль Узбекистана в геополитической стратегии Турции в Центральной Азии. *Oriental Journal of Social Sciences*. 2025;5(6):10-17. DOI: 10.37547/supsci-ojss-05-06-02.
9. Момынкулов Ж., Байтукаева Д.У. Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе и Центральной Азии. *Вестник КазНУ*. 2016;66(2):244-246.
10. Ермекбаев А., Жуматай Г., Алтынбек А. Центральная Азия во внешней политике Ирана и Турции. *Journal of Central Asian Studies*. 2023;2:45-60. DOI: 10.52536/2788-5909.2023-2.04.
11. Абдусатторовва Э.А. Турция и Центральная Азия: от постсоветской дипломатии к прагматическому партнерству. *Вестник науки*. 2025;4(85):576-590. DOI: 10.24412/2712-8849-2025-485-576-590

REFERENCES

1. Dmitrieva O.A. Turkish-Style Geopolitics: Central Asia in Turkey's Foreign Policy. *Eurasian Studies*. 2025;70:79-88. DOI: 10.48647/ISSA.2025.70.79.007. (In Russ.)
2. Nafikov I.Z. Turkish foreign policy in Central Asian states of post-soviet period: regional integration in new political realities. *Oriental Institute Journal*. 2024;1:116-123.

- DOI: 10.24866/2542-1611/2024-1/116-123. (In Russ.)
3. Sbitneva A. Turkey in Central Asia: Regional Trends. *Russia and the New States of Eurasia*. 2024;4:133-151. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-133-151. (In Russ.)
  4. Zhiltsov S. S. Turkey's energy policy in the Caspian region. *Geoeconomics of energy*. 2021;2(14): 32-47. DOI: 10.48137/ 2687-0703_2021_14_2_32 (In Russ.)
  5. Austvik O.G., Rzayeva G. Turkey in the geopolitics of energy. *Energy Policy*. 2017;107:539-547. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.05.008.
  6. Musaev A. The potential of integration of Central Asia in the light of the rise of the "Turkic world". *Reforma*. 2023;97:6-10. DOI: 10.29228/RefReform.1263032. (In Russ.).
  7. Kanapiyanova Zh. Review of the Geopolitics of the Turkic World, by F. Karaman. *Eurasian Research Journal*. 2025;7(2):243-245.
  8. Murtazayeva S. M. The Role of Uzbekistan in Turkey's geopolitical strategy in Central Asia. *Oriental Journal of Social Sciences*, 2025;5(06):10-17. <https://doi.org/10.37547/sup-sci-ojss-05-06-02>
  9. Momynkulov Z., Baitukayeva D. Energy Policies of Turkey in the Caspian Region and Central Asia. *KazNU Bulletin*. 2016;66(2):244-246.
  10. Yermekbayev A., Zhumatay G., Altynbek A. Central Asia in The Foreign Policy of Iran and Turkey. *Journal of Central Asian Studies*. 2023;90(2):41-55. <https://doi.org/10.52536/2788-5909.2023-2.04>
  11. Abdusattorova E.A. Turkey and Central Asia: from post-Soviet diplomacy to Pragmatic partnership. *Bulletin of Science*. 2025;4(85):576-590. DOI: 10.24412/2712-8849-2025-485-576-590 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дина Толеген

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2
dina.tolegen.18@gmail.com

Dina Tolegen

Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
dina.tolegen.18@gmail.com

Проблема интеллектуальной безопасности России

Ирина А. Дмитриева

*Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия,
anonsens@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена обсуждению ряда проблем, связанных с необходимостью включения в систему национальной безопасности Российской Федерации нового вида безопасности – интеллектуальной безопасности, смысл и значение которой автор и проясняет. Существующие виды национальной безопасности почти не затрагивают ценностную и интеллектуальную сферы жизни общества, и они оказываются наиболее уязвимыми и незащищенными. В статье говорится, что задачей интеллектуальной безопасности прежде всего должна стать защита цивилизационных основ нашего государства. Автор подчеркивает, что защита цивилизационных основ невозможна без развития русской самобытной философии, поскольку именно последняя проясняет и формулирует эти основы, и должна быть основой интеллектуальной независимости. Автор критически оценивает современное состояние интеллектуальной безопасности в нашей стране, поскольку российское интеллектуальное сообщество испытывает сильное влияние чуждых идеалов, ценностей и традиций, которые вступают в противоречие с основами нашей цивилизации, и это влияние с неизбежностью подрывает интеллектуальную независимость нашего государства-цивилизации. Одним из существенных факторов сохранения интеллектуальной независимости России автор видит в поддержке русской философской традиции, которая должна стать основой мыслительного суверенитета и интеллектуальной безопасности нашего государства. Другими факторами сохранения интеллектуальной независимости являются формирование социальных условий и общественной среды, которые позволят стать русской самобытной философии идейным и ценностным ориентиром при принятии стратегических решений, связанных с развитием государства. Автор полагает, что включение интеллектуальной безопасности в систему безопасности России в современных условиях является необходимым шагом обеспечения безопасности государства.

Ключевые слова: Россия, интеллектуальная безопасность, цивилизационная безопасность, государство-цивилизация, цивилизационные основы, самобытная русская философия, философское образование

Для цитирования: Дмитриева И.А. Проблема интеллектуальной безопасности России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(4):352–364. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-352-364>

Поступила 15.10.2025

Принята в печать 11.12.2025

Опубликована 30.12.2025

The problem of Russian intellectual security

Irina A. Dmitrieva

Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,
anonsens@mail.ru

Abstract: The article discusses a number of issues related to the necessity of integrating a new type of security—intellectual security—into the Russian Federation’s national security system, whose meaning and significance the author clarifies. Existing types of national security hardly touch upon the value-based and intellectual spheres of societal life, making them the most vulnerable and unprotected. The article states that the primary task of intellectual security should be to protect the civilizational foundations of our state. The author emphasizes that protecting these civilizational foundations is impossible without the development of a distinctive Russian philosophy. Since the latter clarifies and shapes these foundations and therefore should serve as the basis for intellectual independence. The author offers a critical assessment of the current state of intellectual security in Russia, arguing that the Russian intellectual community is heavily influenced by foreign ideals, values and traditions that conflict with the foundations of our civilization, and this influence inevitably undermines the intellectual independence of our civilization-state. One of the essential factors for preserving Russia’s intellectual independence, according to the author, is the support of the Russian philosophical tradition, which should become the basis for the country’s mental sovereignty and intellectual security. Other factors for preserving intellectual independence include creating social conditions and a public environment that would allow distinctive Russian philosophy to become the ideological and value-based benchmark for making strategic decisions related to the national development. The author believes that the inclusion of intellectual security into Russia’s security system is a necessary step to ensure state security under current conditions.

Keywords: Russia, intellectual security, civilizational security, civilization-state, civilizational foundations, distinctive Russian philosophy, philosophical education

For citation: Dmitrieva I.A. The problem of Russian intellectual security. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(4):352–364. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-352-364>

Received 15.10.2025

Revised 11.12.2025

Published 30.12.2025

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость достижения состояния безопасности всегда рассматривалась как самоочевидное и необходимое условие как для жизни отдельного человека, так и для любого социального института. Обеспечение безопасности – одна

из ключевых задач и любого государства. Для этого необходимо максимально полное представление о существующих угрозах и соответствующим им видам безопасности, которые должны составлять систему безопасности государства.

Наряду с традиционными видами безопасности: государственной, экономической, военной и др., возникает необходимость отвечать на новые вызовы, формулируя новые ответы на них. Эти новые вызовы привели к созданию новых видов безопасности, таких как информационная безопасность, экологическая, научно-техническая. Одним из новых видов безопасности является интеллектуальная безопасность, которая оказалась наименее заметной среди других видов безопасности, но это не умаляет ее значимости. Некоторым ее особенностям и будет посвящена статья.

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Проблема национальной безопасности для нашего государства стоит особенно остро. Кардинальное изменение ситуации на международной арене и новые задачи, которые стоят перед нашей страной, связанные в том числе и с проблемами безопасности, нашли свое отражение в ключевых документах Российской Федерации, которые были приняты уже в 20-х годах 21 века. Так в 2021 году выходит обновленная Стратегия национальной безопасности РФ¹, в 2023 году новая редакция Концепции внешней политики РФ². Изменившаяся ситуация потребовала осмысления и рестановки новых акцентов. Указанные документы – это документы стратегического планирования и, соответственно, в них формулируются фундаментальные основы существования нашего государства и перспективы его развития на ближайшее будущее. Одной из таких фундаментальных основ является безопасность государства.

Национальная безопасность в Стратегии представлена как система, составные части которой в совокупности создают необходимую целостность, способную обеспечить безопасность страны в полном объеме в соответствии с ее национальными интересами, а также сформулированы механизмы противодействия угрозам, которые актуальны на данный момент или возможны в ближайшей перспективе. В связи с этим возникают вопросы: насколько полон список видов безопасности, зафиксированных в документе, и каким образом определялась полнота данного списка. Казалось бы, ответ должен лежать на поверхности: перечень видов безопасности должен коррелировать с теми угрозами, которые, с точки зрения государства, представляют наибольшую опасность для его существования и в соответствии с заявленными национальными интересами. В целом этот принцип соблюдается. Выделены ключевые национальные интересы, угрозы и соответствующие им виды безопасности. Например, защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны обеспечивает государственная и общественная безопасность; устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе обеспечивает экономическая безопасность и т.д.

Однако есть угроза, которая зафиксирована в документе как «насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений

¹ Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 г. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Президент России 02.07.2021 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 07.10. 2025).

² Указ Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 года Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения 07.10. 2025)

реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности», которые «приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества...» [1, п. 86]. Остается открытым вопрос, какой вид безопасности должен противодействовать данной угрозе. Нужно отметить, что механизм противодействия данной угрозе носит двоякий характер. Во-первых, он предполагает, что чуждые идеалы, системы ценностей должны быть адекватным образом чем-то заменены, ибо противостояние всегда предполагает конкретные содержания, которые могут выполнить данную задачу, и они требуют интеллектуальной проработки, в результате которой могут быть созданы конкретные мифологемы, способные вытеснить те самые пресловутые чуждые идеалы и ценности. А во-вторых, должна функционировать соответствующая система образования, которая, начиная с самого детства, формировала бы необходимые для выживания страны идеалы и ценности, а чуждые идеалы не имели бы подпитки внутри страны. Но самостоятельного вида безопасности, который бы решал вопросы, связанные с интеллектуальным и идеологическим противостоянием в самом широком смысле этого слова в документе нет. В документе отсутствует вид безопасности, который в полном объеме взял бы на себя эти задачи. Задача противостояния подобного рода угрозам расплывлена по разным видам безопасности.

С появлением обновленной Концепции внешней политики эта проблема не только не была решена, но и осложнилась. Это связано с тем, что в документе появился концепт «Россия – это государство-цивилизация» [2]. Вновь возникает тот же вопрос: каков механизм защиты в данном случае уже не просто государства (с этим справляются различные виды безопасности, и алгоритм их функционирования достаточно проработан), а государства-цивилизации; какие элементы должны быть включены в систему безопасности государства-цивилизации. Здесь возникает ряд проблем.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Первая группа проблем связана с терминологической неопределенностью. В философской и политологической литературе еще в самом начале 21 века появилось множество понятий, имеющих сходное содержание и претендующих на именование того вида безопасности, который должен был бы обеспечивать безопасность государства-цивилизации. Например, разрабатывается понятие «этнополитическая безопасность» [3]. Она предполагает прежде всего защиту системы ценностей, традиций и т.д., которые определяют своеобразие народа или государства и являются его социокультурными основаниями. Также используется близкое по своему содержанию понятие «цивилизационная безопасность». Сама идея цивилизационной безопасности отнюдь не нова. Еще задолго до фиксации в официальных документах понятия «государство-цивилизация» велись исследования по данной теме. В частности, на теоретическое осмысление этого феномена претендовал проект ИФРАН 2011-2013 гг. «Стратегия

цивилизационной безопасности России: философско-политологический анализ». На данный момент можно зафиксировать, что существует несколько трактовок данного понятия. Некоторые авторы сближают понятия «цивилизационная безопасность» и «духовно-культурная безопасность» [4] и ставят его в один ряд с информационной, военной и другими видами безопасности. Другие предполагают, что цивилизационная безопасность – это отдельный, наивысший уровень обеспечения безопасности, который обладает качественно иными характеристиками и принципиально не является суммой безопасностей государств, составляющих цивилизацию [5]. Соответственно, в указанной трактовке цивилизационная безопасность Российской Федерации – это состояние «защищенности и обеспеченности жизненно важных интересов человека, общества и России как государства – лидера Евразийской локальной цивилизации от воздействия внешних и внутренних вызовов и угроз» [6]. Третьи рассматривают цивилизационную безопасность как безопасность цивилизационного пространства и отмечают, что она должна включать «все уровни и все сферы жизнедеятельности личности, общества, братских народов и государств» [7]. Можно встретить и комплексные дефиниции, согласно которым цивилизационная безопасность – это одновременно способ функционирования цивилизации, который обеспечивает сохранение ее целостности и устойчивости, и способность противостоять экзогенным и эндогенным вызовам [8, 105]. Кроме того, в том же контексте используются понятия «безопасность цивилизационного развития» [9], «духовная безопасность» [10], «культурно-информационная безопасность» [11], «цивилизационная составляющая национальная безопасности»

[12]. При таком терминологическом разнообразии понятие «цивилизационная безопасность» является наиболее предпочтительным, поскольку указывает на самостоятельный вид безопасности, которая связана с близкими ей видами безопасности, но не может отождествляться с ними.

В сложившейся ситуации очевидно, что назрела необходимость упорядочить соответствующий понятийный ряд, а поскольку в Концепции уже закреплено понятие «государство-цивилизация», то следует уточнить и тот вид безопасности, который обеспечит адекватное существование и развитие России в качестве государства-цивилизации.

В этой связи следует обратить внимание еще на одно понятие, которое стоит как бы в стороне от рассматриваемого выше понятийного ряда, но обладает значительным когнитивным потенциалом. Речь идет о понятии «интеллектуальная безопасность». В научной литературе до настоящего момента оно не получило широкого распространения и чаще всего рассматривается как составная часть понятия «экономическая безопасность». Понятие интеллектуальной безопасности в этом контексте сводится к защите интеллектуальной собственности и происходит сближение понятий «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальная безопасность» [13], [14]. Расширенная трактовка этого понятия предполагает включение интеллектуальной безопасности в качестве подсистемы национальной безопасности и предполагает защиту от угроз интеллектуальным интересам страны на всех уровнях и во всех сферах человеческой деятельности, а также «защиту и охрану носителей интеллекта и продуктов умственного труда», «воспроизводство и повышение качества умственной способности людей, определяющих эту деятельность» [13], [14].

Поскольку в Концепции внешней политики 2023 года Россия определяется как государство-цивилизация, то объектом защиты должны стать в том числе и цивилизационные основы нашей страны. Значит, необходима забота не только о суверенитете, целостности, экономическом потенциале, человеческих ресурсах, но и о цивилизационных основаниях, чтобы обеспечить существование России не просто как государства среди других государств, а государства-цивилизации. Соответственно, необходима забота о сохранении и безопасности этих основ и введение соответствующего понятия в структуру безопасности государства. Но понятие «цивилизационная безопасность» и созвучный с ним понятий ряд, прежде всего ориентирован на фиксацию исторически сложившихся основ нашего государства и сохранение их. Традиция же, чтобы не стать музеем, чтобы не утратить своего жизненного потенциала должна содержать в себе и стратегию развития, соответствующую собственной логике и потенциалу. Понятие интеллектуальной безопасности предполагает не только разработку основ русской цивилизации, описание приоритетной системы ценностей и значимых мифологем, но также, что не менее важно, определение направленности движения в соответствии с этими основами. В систему безопасности должна быть включена система сохранения интеллектуального потенциала государства в целом, без которого цивилизационные основы будут разрушаться, также должны быть включены способы и средства формирования такой интеллектуальной среды, которая сможет обеспечивать существование и развитие этих основ. Преодоление терминологической неопределенности и введения в документы стратегического планирования термина

«интеллектуальная безопасность» позволит зафиксировать данный вид безопасности как необходимый и значимый элемент в системе безопасности страны.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Наряду с проблемами формального характера, о которых говорилось выше существуют, еще и проблемы содержательные, решение которых требует гораздо больших усилий. Речь пойдет о самой сути цивилизационных основ нашего государства, которые сложились в прошлом и актуальны в настоящее время. Каковы эти основы? К сожалению, и в этом вопросе тоже нет определенности.

Заявление на государственном уровне, что Россия – это государство-цивилизация, предполагает наличие основ, на которых это государство строится и которые будут определять направленность его развития. Эти основы должны быть уникальны, поскольку каждая цивилизация или, если говорить словами Данилевского, культурно-исторический тип [15] создает собственные основы, которые не могут транслироваться другим народам. Эти основы фундаментальны, поскольку на них государство развивается не одну сотню лет, и они должны быть настолько эвристичны, что позволяют государству и народу этого государства двигаться вперед в определенном направлении. Именно цивилизационные основы определяют вектор развития страны. Соответственно, нужно иметь в том числе интеллектуальный ресурс для их защиты, поскольку их утрата, с необходимостью приведет к разрушению государства-цивилизации.

Идея о том, что Россия обладает особой миссией в мире, что наша страна – самобытное государство-цивилизация отнюдь не нова. На протяжении

истории в это понятие вкладывался разный смысл. Не случайно наличие историко-философской проблематики, которая рассматривала проблему судьбы России, места России в мире и ее миссию в русской самобытной философии существовала практически с момента ее зарождения. Достаточно вспомнить «Слово о Законе и Благодати» Иллариона, ставшее хрестоматийным утверждение старца Филофея, что «Москва – третий Рим и четвертому не быть». Уже в древности было понимание особого пути развития страны и ее исторического предназначения. В 19 веке происходит новый мощный виток рефлексивных рассуждений философов о России, ее положении в мире, ее значимости и возможностях. Достаточно вспомнить работы славянофилов, формулировку «русской идеи» Достоевским, а также последующее развитие ее В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым и др. Нельзя не вспомнить и труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», который показал, используя понятие «культурно-исторический тип», что Россия развивается исходя из собственных основ и имеет внутренний потенциал для этого развития, что Россия – это не просто государство среди других, что оно представляет собой особый цивилизационный путь. Сходную точку зрения высказывал О. Шпенглер в работе «Закат Европы». В XX веке также обсуждалась тема цивилизационных основ России, и можно выделить несколько направлений в рамках этого обсуждения. Новый вариант развития «русской идеи» предложил И.А. Ильин. Сторонники евразийства сформулировали концепт Русской Евразии, который фиксировал не только географическое положение нашей страны, но особый тип цивилизации, которую она представляет. О российском суперэтносе пишет Л.Н. Гумилев [16], [17],

тема России как особой цивилизации поднималась другими советскими и постсоветскими мыслителями, достаточно вспомнить работы А.С. Панарина [18] и В.Л. Цымбурского [19].

Представленный краткий экскурс показывает, что тема России как государства-цивилизации имеет достаточно долгую историю рефлексивной проработки. Но переход этой категории из области философских, исторических, социологических и прочих теоретических дискуссий в политическую практику требует более четких фиксаций и упорядочений, поскольку конкретные положения этих теорий должны становиться руководством к действию, должны стать инструментом целеполагания.

Россия как государство-цивилизация имеет своим ядром цивилизационные основания. Но они могут подвергаться коррозии, внешним атакам, слому, поэтому нуждаются в заботе и охране как со стороны общества, так и со стороны государства. Но чтобы забота и охрана были эффективными, сами основания должны быть выявлены, осознаны, продуманы и зафиксированы. Основания становятся понятными благодаря их философской проработке, которую способна выполнить лишь самобытная философия, понимающая эти основания изнутри, а не внешним образом, исходящая из них и к ним обращенная. Таким образом, цивилизационные основания неразрывно связаны с самобытной русской философией, и их взаимодействие должно стать вопросом интеллектуальной безопасности. Интеллектуальная безопасность – это не только защита цивилизационных основ, но одновременно создание условий для формирования особого русского взгляда на мир и действий в соответствии с этим взглядом.

Так как интеллектуальная безопасность не выделена в качестве отдельного вида безопасности, тот этот аспект часто оказывается незамеченным.

В данном случае нет нужды рассматривать особенности тех или иных теоретических позиций и подходов в трактовке этого понятия, но важно, чтобы в официальных документах были сформулированы особенности государства-цивилизации, а также механизм их защиты. В Концепции внешней политики РФ 2023 года, в том месте, где говорится об особенностях вновь вводимого теоретического конструкта, основной акцент делается на прошлое нашей страны: «более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп ...» [2]. Эти абсолютно справедливые утверждения имеют одну особенность: они все обращены в прошлое и имеют минимум конкретики. Резюмируя сказанное, можно утверждать лишь то, что Россия имела нечто, но смысл этого нечто остается непроясненным, и это нечто позволило ей быть в прошлом и в настоящем государством-цивилизацией. Вопрос остается открытым, что было в том наследии такого, что позволило сплотить народы вокруг себя, сформировать особую форму государственности, которая реализует самобытный вектор развития.

Эта теоретическая непроясненность видна и в Стратегии, и в Концепции. Оба документа объединяет общий посыл, что в прошлом России накопила

определенные содержания, которые должны стать основой будущего развития. Указанная непроясненность и аморфность формулировок приводит к тому, что важный сегмент развития нашей страны оказывается скрыт. Непроясненность оснований, которые составляют основу государства цивилизации делает невозможным ни формирование стратегии развития страны, ни возможности защиты этих оснований, ни определения инстанции, которая бы осуществляла эту защиту. Если посмотреть на заявленные в Стратегии ключевые виды безопасности, то ни одна из названных в документе не может отвечать за сохранение и развитие цивилизационных основ в полном объеме. Таким образом, необходимо не только определить конкретное содержание этих основ, но и ввести еще один вид безопасности, который отвечал бы за создание условия воспроизводства этих основ.

Надо прояснить, кто должен и может нести ответственность за определение этих цивилизационных основ, и какой ресурс для этого необходимо использовать. В официальных документах абсолютный приоритет отдан государственным структурам, но, как уже говорилось выше, на протяжении веков эти основы формулировались в рамках русской самобытной философской традиции, поэтому вопрос о состоянии современной русской философии в России, это вопрос о ресурсах защиты цивилизационных оснований нашего государства.

РУССКАЯ САМОБИТНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК РЕСУРС ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Остановимся теперь на трех взаимосвязанных аспектах существования философии в России: развитие собственно

русской философии, функционирование интеллектуального сообщества, которое создает условия существования русской философии и системе философского образования в России, которая призвана поддерживать и распространять философские достижения.

Если говорить о развитии самобытной русской философии в настоящее время, то нужно отметить, что пока ни государство, ни интеллектуальное сообщество не спешат активно поддерживать развитие современной русской самобытной философии. Ее существование в большей степени обеспечивается за счет маргинальной частной инициативы. Такое положение дел создает парадоксальную ситуацию. В официальных документах заявлено о необходимости противостояния внешним идейным влияниям и чуждым ценностям, а в реальности, имеют наибольшую поддержку те философские направления, которые реализуют эти чуждые влияния и ценности, что, в конечном счёте, работает на подрыв нашей интеллектуальной безопасности. Например, западная философия на протяжении своей истории делает акцент на развитии идей индивидуализма и космополитизма, которые с XVII-XVIII века нашли свое выражение в социально-политической теории общественного договора, а позднее в различных концепциях либерализма. Эгоистичная природа человека, утверждение, что человек человеку волк – было фундаментом этих теорий.

Для русского мирозерцания идея эгоистичной природы человека неприемлема. Наши ценностные установки связаны с идеей совместного жития, основанного на смирении и любви, о котором говорил еще Сергей Радонежский в XIV веке. Приоритет совместного жития нашел отражение в идее соборности А.С. Хомякова,

в идее всеединства В.С. Соловьева, и в других идеях, разрабатываемых русской самобытной философией.

В настоящее время определяющей идеей, которая утверждается в отечественной философии стал индивидуализм. Именно он распространяется посредством современных программы преподавания философии на философских факультетах и в различных вузах, поскольку везде доминирует западная философия как универсальное мировоззренческое основание образовательных программ. Русская философия, которая должна была бы быть нашим ключевым интеллектуальным ресурсом, который призван определять цивилизационные основы нашего государства, формировать систему ценностей и, в конечном счете, обеспечивать интеллектуальную безопасность нашей страны оказывается на периферии и сама нуждается в защите. Русская философия может выполнять свою задачу только при внимательном и благожелательном отношении государства.

Казалось бы, свобода творчества – необходимое условие существования и философии и интеллектуального сообщества. Но эта свобода иллюзорна. Там, где государство самоустраивается, реализуют свои интересы иные, отнюдь не дружественные нашей стране силы. В настоящее время интеллектуальное сообщество формируется и регулируется под воздействием различных внешних факторов и интересов. Государственный интерес, национальная безопасность учитываются далеко не в полной мере. И интеллектуальное сообщество в целом, и философское сообщество в частности, как сообщество творцов идей и концептов отдано на откуп чуждым влияниям и интересам, фактически оно оказалось пронизано духом западных интеллектуальных

влияний. Это обеспечивается системой западных и даже отечественных грантов, журнальной политикой государства и т.п. В настоящее время в нашей стране философское сообщество прежде всего ориентировано не на работу с собственными ресурсами, а на следование образцам западной философии, а государственная политика в интеллектуальной сфере делает этот путь наиболее привлекательным. В частности, отечественные философы больше занимаются переводами зарубежной мысли на русский язык, комментированием внешних нам направлений мысли, идей, проблем. Государственные исследовательские институты, органы печати, научные стандарты не ориентируют наше интеллектуальное сообщество на развитие самостоятельной и самобытной русской философии и не поддерживают интерес к подобной деятельности.

При таких условиях произведенный философами результат вряд ли может стать поддержкой государственной политики нашей страны. В основание государственных решений об основах собственной цивилизации мы сами подкладываем мину, которая может взорваться в любой момент. Механизм защиты цивилизационных основ российского государства должен начинаться с защиты интеллектуального сообщества, с защиты самобытности нашей философии и организации должным образом системы философского образования.

Трансляция философских знаний и обучение навыкам философской работы - важный момент в формировании мыслящих личностей. Недаром такое большое внимание ранее уделяли системе философского знания в нашей стране. Личность, вооруженная философскими знаниями, способна масштабно и вместе с тем критически воспринимать и оценивать

события, принимать обдуманное решение. Но современное отношение к философскому образованию как к чему-то дополняющему в ВУЗах приводит к тому, что, несмотря на обязательное изучение философии по госстандарту, пренебрежение к философии, выражающееся в радикальном уменьшении количества часов на ее изучение, парализует все попытки воспитать у людей самостоятельное и критическое мышление. И дело тут не в нерадении преподавателей. Преподавателям ставят задачи, не создавая при этом никаких условий для того, чтобы они могли их выполнить. Более того, формируется такая образовательная среда, которая исключает возможность воспитательной и образовательной работы. Это находит свое отражение в существующих приоритетах системы образования и расставленных акцентах.

Подрывая философское образование противоречивой и недальновидной политикой, государство утрачивает как раз тот ресурс, который должен был бы противостоять тем самым внешним идеям и чуждым ценностям. О какой тогда интеллектуальной безопасности может идти речь? Ведь инородные идеи и чуждые ценности нельзя просто отменить или запретить. Государство должно позаботиться о системном им противодействии, должна быть сформирована обширная и многоуровневая среда противодействия подрыву наших цивилизационных оснований. А эта среда должна постоянно пополняться самостоятельно и критически мыслящими людьми, воспитываемых нашей системой философского образования, которых эта система как раз и не производит. Подрыв интеллектуальной безопасности исходит не столько извне, сколько от нас самих.

Перед Россией в сфере интеллектуальной безопасности стоит задача, чтобы в обществе доминировали именно наши

идеи и ценности, ведь именно они являются основой России как государства. Эти наши идеи и ценности должны быть сформулированы и конкретным образом поддержаны. Необходимо неформально и адресно создавать ту среду, которая заботится о сохранении основ нашей цивилизации. Полагаю, что именно эти задачи как раз и призвана решать интеллектуальная безопасность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в настоящее время интеллектуальная безопасность представляет собой необходимый элемент системы безопасности государства, который не следует сводить только к защите интеллектуальных ресурсов, представленных в различных формах, таких как знания, технологии, интеллектуальная собственность и т.п.. Интеллектуальная безопасность – это прежде всего понимание

и защита цивилизационных основ России. И эта защита обеспечивается развитием самобытной русской философии, поскольку именно она обеспечивает осмысление и формулировку этих основ. Связь между интеллектуальной безопасностью и русской философией часто остается незамеченной, и поэтому она не находит отражения в государственных документах. К сожалению, пока нет достаточного понимания того, что русская философия – это ресурс и важный инструмент государственной политики. Поэтому закрепление в официальных документах понятия интеллектуальной безопасности и ее обусловленность русской философской мыслью, а также формирование соответствующей интеллектуальной среды и создание условий для ее полноценного существования и развития как элементов системы интеллектуальной безопасности могут стать важными шагами в защите цивилизационных основ нашего государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 г. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Президент России 02.07.2021 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 07.10.2025) .
2. Указ Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 года Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения 07.10.2025) .
3. Юсупова Г.И. Концептуализация категории «этнополитическая безопасность» в современном политологическом дискурсе. *Власть*. 2020;28(3):202-207. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7342>
4. Сабаева С.В. Роль и место духовно-культурной (цивилизационной) безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации. *Административное право и процесс*. 2023;8:30-34.
5. Мелешин К.Ю., Шабалина А.Е. От концепта национальной безопасности к концепту цивилизационной безопасности как основе евразийской интеграции. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023;17(2):143-152
6. Пазюк Ю.В., Ефимова В.П., Осипов С.Н. Актуальные проблемы обеспечения цивилизационной безопасности России. *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2022; 72(3):26-36.

7. Дердюк В.Б. Цивилизационная безопасность России в современных условиях. *Власть*. 2010; 9: 42-45.
8. Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. «Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016;6-7:103-107.
9. Феофанов К.А. Безопасность цивилизационного развития России в условиях глобализации: политологический анализ. Дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М.: ПА ФСБ России; 2005.
10. Попов Е.А. Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития. *Социодинамика*. 2023;2:10-19.
11. Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. Москва: Альянс; 2001. 504 с.
12. Киришин Ю. Цивилизационная составляющая национальной безопасности. 01.02.2008. https://nvo.ng.ru/politics/2008-02-01/3_kartblansh.html?ysclid=mkhakcc355678551670
13. Украинцев В.Б., Лепетикова И.Ю., Мамонтова Ю.П. Обеспечение интеллектуальной безопасности России: ключевые угрозы и направления их нейтрализации методами государственного управления. Государственное и муниципальное управление. *Ученые записки*. 2018;4:58-62.
14. Насташенко В.А. Формирование интеллектуальной безопасности. *Автономия личности*. 2020;1(21):41-55.
15. Данилевский П.Я. Россия и Европа. Москва: Институт русской цивилизации; 2008. 816 с.
16. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. Москва: АСТ; 2022. 512 с.
17. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. Москва: АСТ; 2008. 606 с.
18. Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим? Избранная социально-философская публицистика. Москва: ИФРАН; 1996. 153 с.
19. Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва: РОССПЭН; 2007. 544 с.

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 02.07.2021. On the National Security Strategy of the Russian Federation. *President of Russia*. 02.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> [accessed: 07.10.2025]. (In Russ.).
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 229 of March 31, 2023. On Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation. President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> [accessed: 07.10.2025]. (In Russ.).
3. Yusupova G.I. Conceptualization of the Category “Ethnopolitical Security” in Modern Political Discourse. *Vlast*. 2020;28(3):202-207. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7342> (In Russ.).
4. Sabaeva S.V. The Role and Place of Spiritual-Cultural (Civilizational) Security in the National Security System of the Russian Federation. *Administrativnoye pravo i protsess*. 2023;8:30-34. (In Russ.).
5. Meleshin K.Yu., Shabalina A.E. From the Concept of National Security to the Concept of Civilizational Security as the Basis of Eurasian Integration. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2023;17(2):143-152. (In Russ.).
6. Pazyuk Yu.V., Efimova V.P., Osipov S.N. Current Problems of Ensuring Russia’s Civilizational Security. *Proceedings of the Institute of Systems Analysis of the Russian Academy of Sciences*. 2022;72(3):26-36. (In Russ.).

7. Depdyuk V.B. Civilizational Security of Russia in Modern Conditions. *Vlast*. 2010;9:42-45. (In Russ.).
8. Skvortsov N.G., Vereshchagina A.V., Samygin S.I. The “Russian World” in Sociological Discourse on Civilizational Security and National Identity in Russia. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2016;6-7:103-107. (In Russ.).
9. Feofanov K.A. Security of Russia’s Civilizational Development in the Context of Globalization: A Political Analysis. Dr.Sci. (Polit.) dissertation: 23.00.02. Moscow: PA FSB Rossii; 2005. (In Russ.).
10. Popov E.A. Spiritual Security in the Conditions of Modern Cultural-Civilizational Development. *Sociodynamics*. 2023;2:10-19. (In Russ.).
11. Arin O.A. The Twenty-First Century: A World Without Russia. Moscow: AI’yans; 2001. 504 p. (In Russ.).
12. Kirshin Yu. The Civilizational Component of National Security. 01.02.2008. https://nvo.ng.ru/politics/2008-02-01/3_kartblansh.html?ysclid=mkhakcc355678551670 (In Russ.).
13. Ukraintsev V.B., Lepetikova I.Yu., Mamontova Yu.P. Ensuring Russia’s Intellectual Security: Key Threats and Directions for Their Neutralization by Public Administration Methods. State and municipal administration. *Scientific notes*. 2018;4:58-62. (In Russ.).
14. Nastashenko V.A. Formation of Intellectual Security. *Personal autonomy*. 2020;1(21):41-55. (In Russ.).
15. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008. 816 p. (In Russ.).
16. Gumilev L.N. From Rus’ to Russia: Essays on Ethnic History. Moscow: AST; 2022. 512 p. (In Russ.).
17. Gumilev L.N. Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations. Moscow: AST; 2008. 606 p. (In Russ.).
18. Panarin A.S. “Second Europe” or “Third Rome”? Selected Socio-Philosophical Journalism. Moscow: IFRAN; 1996. 153 p. (In Russ.).
19. Tsymbursky V.L. Island Russia: Geopolitical and Chronopolitical Works. 1993-2006. Moscow: ROSSPEN; 2007. 544 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина А. Дмитриева

Кандидат философских наук,
Дипломатическая академия МГИМО МИД
России, Москва, Россия; 119021, Россия,
Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
anonsens@mail.ru

Irina A. Dmitrieva

Ph.D. (Philosophy),
Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian
Ministry of Foreign Affairs, Moscow,
Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow,
119021, Russia;
anonsens@mail.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-365-372>

К 340-летию заключения в Москве «Вечного мира»: геополитические судьбы украинского пространства в метаисторической перспективе

Андрей В. Ишин

*Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,*

a.ischin@yandex.ru

Аннотация: Опираясь на историко-генетический и структурно-функциональный анализ, а также метод бинарных оппозиций, автор анализирует значение «Трактата о вечном мире» между Россией и Речью Посполитой, согласно которому на межгосударственном уровне юридически были закреплены итоги Андрусовского перемирия 1667 года. Научное осмысление этой даты имеет особое значение в условиях коренного перелома в пользу России на фронтах Специальной военной операции и активизации международного диалога, направленного на поиск оптимальных условий для устойчивого долгосрочного мира. Специальная военная операция рассматривается автором как объективный и необходимый ответ на острейшие вызовы времени, выразившиеся в позиции коллективного Запада по геополитической изоляции и радикальному ослаблению Российского государства с перспективой лишения его геополитической субъектности и превращения в строительный материал для т. наз. «нового мирового порядка». Акцентируется внимание на том, что происходящее на пространстве, именуемом сегодня «Украиной», происходит далеко не в первый раз. Статья опирается на метаисторический подход, содержит анализ геополитических технологий коллективного Запада. Автор рассматривает оптимальные условия прекращения конфликта.

Ключевые слова: «Вечный мир», метаисторическая проекция, Специальная военная операция, геополитические технологии коллективного Запада

Для цитирования: Ишин А.В. К 340-летию заключения в Москве «Вечного мира»: геополитические судьбы украинского пространства в метаисторической перспективе. *Проблемы постсоветского пространства.* 2025;12(4):365–372. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-365-372>

Поступила 18.10.2025

Принята в печать 13.12.2025

Опубликована 30.12.2025

On the 340th anniversary of the signing of the “Eternal peace” in Moscow: the geopolitical fate of the Ukrainian space in a metahistorical perspective

Andrey V. Ishin

*Institute “Tavrisheskaya academy”, Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia,*

a.ischin@yandex.ru

Abstract: Based on historical-genetic and structural-functional analysis, as well as the method of binary oppositions, the author analyzes the significance of the “Treaty of eternal peace” between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth, according to which the results of the Truce of Andrusovo in 1667 were legally enshrined at the interstate level. A scientific understanding of this date is of particular importance in the context of a radical shift in Russia’s favor on the fronts of the Special military operation and the intensification of international dialogue aimed at finding optimal conditions for sustainable long-term peace. The author views the Special military operation as an objective and necessary response to the most pressing challenges of the time, expressed in the position of the collective West on geopolitical isolation and radical weakening of the Russian state with the prospect of depriving it of geopolitical subjectivity and turning it into building material for the so-called “new world order”. It is emphasized that what is happening in the space now called “Ukraine” is far from the first time. The article is based on a metahistorical approach and contains an analysis of the geopolitical technologies of the collective West. The author examines the optimal conditions for ending the conflict.

Keywords: “Eternal peace”, metahistorical projection, Special military operation, geopolitical technologies of the collective West

For citation: Ishin A.V. On the 340th anniversary of the signing of the “Eternal peace” in Moscow: the geopolitical fate of the Ukrainian space in a metahistorical perspective. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(4):365–372. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-4-365-372>

Received 18.10.2025

Revised 13.12.2025

Published 30.12.2025

ВВЕДЕНИЕ

Среди знаковых дат 2026 года обращает наше внимание 340-летие события, подводящего своеобразный итог длительному

внешнеполитическому противостоянию Российского государства и его традиционных геополитических оппонентов в борьбе

за пространство, именуемое в настоящее время «украинским».

Речь идёт о подписании в Москве 26 апреля (6 мая) 1686 года «Трактата о вечном мире» между Россией и Речью Посполитой, согласно которому на межгосударственном уровне юридически были закреплены итоги Андрусовского перемирия 1667 года. В состав Российского государства возвращался «старинный русский город Смоленск, Киев и вся Левобережная Украина» [1, с. 252–253]. Кроме того, православным жителям Речи Посполитой гарантировалась свобода вероисповедания, а Россия вступала в «Священную лигу» и вскоре предприняла два Крымских похода (1687 и 1689 годов), послужившие отправной точкой для решительного закрепления своих позиций на Чёрном и Азовском морях уже во второй половине XVIII столетия.

Научное осмысление этой даты имеет особое значение в условиях коренного перелома в пользу России на фронтах Специальной военной операции и активизации международного диалога, направленного на поиск оптимальных условий для устойчивого долгосрочного мира.

Здесь необходимо подчеркнуть, что сама Специальная военная операция стала объективным и необходимым ответом на острейшие вызовы времени, выразившиеся в позиции коллективного Запада по геополитической изоляции и радикальному ослаблению Российского государства с перспективой лишения его геополитической субъектности и превращения в строительный материал для т. наз. «нового мирового порядка».

По справедливому замечанию профессора В. Заемского, «специальную военную операцию с целью защиты русских и других жителей Донбасса, а также ради устранения угроз нашей безопасности пришлось начать вследствие того, что коллективный

Запад окончательно сделал ставку на русофобию со всеми вытекающими из этого последствиями <...> является очевидным, что участие западных стран в разработке Минских соглашений на самом деле было прикрытием их стремления накачать оружием неонацистский режим в Киеве, чтобы использовать его как «анти-Россию» [2, с. 68]. При этом «официальная русофобия приобрела на Западе беспрецедентные, гротескные масштабы. Там уже не стесняются открыто заявлять о намерении не только нанести нашей стране военное поражение, но и разрушить, расчленив Россию» [2, с. 68].

Анализ хода Специальной военной операции убеждает нас в том, что военная составляющая стратегии СВО была выбрана в целом верно и точно.

Вместе с тем, в глубоком научном осмыслении сегодня нуждается метаисторическая проекция проблемы. И в этой связи уместно вспомнить, что происходящее на пространстве, именуемом сегодня «Украиной», происходит далеко не в первый раз.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

В своей итоговой монографии «От Руси к России» Л. Гумилёв фиксирует наличие в правящем классе Древнерусского государства XI века трёх «партий»: «одна — западническая, другая — исключительно национальной ориентации, считавшая, что Русь может соперничать с любыми коалициями западных держав, и третья, стремившаяся к миру и дружбе с Византией» [1, с. 68]. Этот факт стал ключевой причиной распада триумvirата князей — Ярославичей и заложил политическую основу удельного периода в истории Руси.

При этом примечательно, что средоточием первой «партии» становится город

Киев, являвшийся столицей Древней Руси в период с 882 по 1132 годы.

Очевидно, именно этот фактор стал ключевой причиной того, что, как отмечает В. Ключевский, «тотчас по смерти Юрия Долгорукого (вполне вероятно, что основатель Москвы был отравлен киевской боярской верхушкой — А.И.), в Киевской земле избивали приведённых им туда суздальцев по городам и по сёлам» [3, с. 321].

Как следствие, в 1169 году, когда слово «Украина» ещё не прозвучало даже в географическом контексте в русских летописях, прекрасно организованные и вооружённые войска, святого благоверного (что в отечественной историческо-софской традиции всегда имело особое значение) Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского разгромили Киев, вышвырнули из Киева прогнившую прозападную элиту, и, став официально киевским князем, Андрей Боголюбский в Киев не въезжает. Новой фактической столицей Руси становится славный город Владимир, а соответственно — Владимиро-Суздальская земля — территориальной основой формирования русского народа.

В результате политического распада Руси на ряд удельных княжеств и монгольских завоеваний, исторические судьбы Северо-Восточной и Юго-Западной Руси складывались в различных геополитических реалиях. Последняя подверглась жесточайшей польско-литовской экспансии, сопровождавшейся эксплуатацией большинства населения и агрессивной культурной ассимиляцией, силовым навязыванием церковной унии 1596 года, что, в свою очередь, привело к возникновению мощных крестьянско-казацких протестных движений. Их кульминацией стала народно-освободительная война под руководством гетмана Запорожской

Сечи Б. Хмельницкого и решение Московского Земского Собора 1653 года о его поддержке.

Как следствие, собравшаяся 8 (18) января 1654 года в городе Переяславле Рада во главе с гетманом поддержала курс на воссоединение двух частей некогда единой Древней Руси словами: «Волим под царя московского, православного» [1, с. 249].

Несмотря на сильнейшее сопротивление католического Запада, Россия достигла основных целей в войне с Речью Посполитой за защиту результатов Переяславской Рады, что было зафиксировано в упомянутых выше соглашениях 1667 и 1686 годов. Тем не менее, важно подчеркнуть, что после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 году ряд гетманов (Иван Выговский, Петр Дорошенко, Юрий Хмельницкий) придерживался антиросийского курса (первый — стоял на откровенно пропольских позициях, второй и третий придерживались протурецкой ориентации), что привнесло в российско-польскую войну элементы собственно войны гражданской на территории Войска Запорожского.

В период Северной войны (1700—1721 гг.) курс Выговского (но уже с ориентацией на Швецию) пытался продолжить Иван Мазепа, но, как и Выговский, он не был поддержан большинством жителей Малороссии и потерпел политический крах. В этом отношении Л. Гумилёв делает совершенно обоснованный вывод, что «первостепенное значение имела единая суперэтническая принадлежность России и Украины, массовая поддержка «своих», которыми были единоверцы. Об это всеобщее ощущение единства, как волны о скалу, разбивались рациональные планы волевых, умных искателей власти» [1, с. 254].

События XVII и XVIII веков отнюдь не стали итоговыми в проявлениях

геополитической конфликтогенности украинского пространства. Гораздо более опасные долгосрочные последствия заключали в себе петлюровщина периода Гражданской и бандеровщина периода Великой Отечественной войны, порождённые долгосрочными же политическими технологиями и вполне укладываемые в стратегию геополитических оппонентов России.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

Важнейшей особенностью современно-го «украинского кризиса» выступает его глубокая вовлечённость в глобальную повестку, и, как следствие, «игра в долгую», как заявил в своё время уже ушедший в политическое небытие бывший президент США Дж. Байден.

В геополитической «игре в долгую» против России уже традиционно используются две ключевые технологии: технология «разделяй и властвуй» и вторая, менее очевидная, — технология «троянского коня».

В отношении сущности первой технологии авторы коллективной работы «Федерализация Украины: к единству через разнообразие» отмечают: «Украинское националистическое движение всегда обслуживало чужие интересы. В январе 1888 года в немецком журнале «Гегенварт» была опубликована статья немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, в которой предлагался план создания из украинских земель «Киевского королевства» под протекторатом Австро-Венгрии с целью ослабления России. В 1906 году германский канцлер Бенгард Бюлов заявил, что «Россию можно извести до уровня второсортной державы лишь в случае её социального разложения либо в случае утраты ею Украины». Историк времён императора Вильгельма Пауль Рорбах

сравнивал Россию с апельсином и мечтал «о расчленении русского колосса на свои естественные исторические и этнографические составные части». К ним он относил Финляндию, Прибалтику, Польшу, Бессарабию, Украину, Кавказ, Туркестан (Среднюю Азию), «Московию», Сибирь. Крупные средства Германия тратила на поддержку украинских изданий и организаций антироссийской направленности <...> В 1912 году варшавская газета *Slowo* писала, что германское консульство во Львове занимается преимущественно украинскими делами в России. Затем не безызвестный Парвус, принявший участие в подготовке революции в России, попытался сыграть свою роль в создании некоторых украинских партий. В 1915 году он подготовил меморандум, в котором предлагал план революции в России, отведя Украине особую роль» [4 с. 10–11].

Вполне логично, что подобные стратегии развивал в своих человеконенавистнических проектах Гитлер и его приспешники уже в период подготовки вероломного нападения и самого вторжения в СССР.

Так, в замечаниях к «Генеральному плану Ост» ставилась задача «разгромить русских как народ, разобщить их» [5, с. 351–352]. На секретном совещании 16 июля 1941 года фюрер нацистского режима заявил: «В принципе мы должны помнить, что необходимо умело разрезать этот гигантский пирог, с тем чтобы мы могли: во-первых, господствовать, во-вторых, управлять, в-третьих, извлекать выгоду» [5, с. 349].

Спустя 80 лет после Великой Победы, подобные проекты получают «второе дыхание» в русофобских планах и устремлениях представителей правящих кругов Великобритании, Германии, Франции, Финляндии, стран Балтии, Евросоюза и опекаемой ими киевской хунты.

При этом от подобной политики, в первую очередь, несут колоссальный ущерб экономики, страдают народы перечисленных стран, что нисколько не останавливает обанкротившиеся глобалистские «элиты», пытающиеся отсрочить своё неизбежное геополитическое поражение.

Трудно не согласиться с Министром иностранных дел России Сергеем Викторовичем Лавровым, справедливо отметившим, что «неприятие логики исторического развития, не скрываемое современным поколением западных лидеров, более всего свидетельствует об их профессиональной деградации, утрате способности к корректному анализу происходящих событий и прогнозированию тенденций» [6, с. 5].

Сущность второй, менее очевидной, но не менее опасной, технологии «тройного коня» может выражаться во внешнем «подталкивании» к неоправданному геополитическому великодушию, чрезмерным уступкам (как, например, в случае добровольного геополитического разоружения СССР во второй половине 1980-х годов), чреватых серьёзными колебаниями государственной политической системы.

С другой стороны, реализация этой деструктивной технологии может проявляться в поспешном придании статуса полноправных участников политического процесса в стране и даже скоропалительном предоставлении важных мест в управленческой иерархии субъектам с откровенно враждебным цивилизационным кодом и разрушительными для государства политическими установками.

В древней истории весьма показательны опыт первой мировой державы — Ассирийской, когда ещё в VII веке до нашей эры после сокрушительного разгрома войсками царя Синаххериба Вавилонии, исторически близкий и родственной ассирийцам народ попытались механически

инкорпорировать в государственный организм Ассирии, что буквально через несколько десятилетий привело это государство к упадку и гибели.

В истории XX века показателен пример массовой реабилитации украинских националистов в СССР в период правления Н.С. Хрущёва, также крайне негативно отразившийся на дальнейших судьбах и Советской Украины, и Советского государства в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые выше слова Министра иностранных дел России со всей убедительностью свидетельствуют о неотвратимости нашей грядущей Победы, но вот насколько долгим и прочным будет мир, во многом зависит от тех идеологических констант, которые мы с неизбежностью должны противопоставить идеологии неонацизма и его современного спутника — трансгуманизма.

Трансгуманизм декларирует необходимость создания высокоорганизованной технократической цивилизации, где «маленький человек» становится придатком неокOLONиальной по своей сути глобальной политической машины, инструментом её обслуживания. За обезличиванием неизбежно следует и обезчеловечивание человека, сопровождающееся новым вавилонским столпотворением, тотальными унификацией и смешением, а последнее, по справедливому замечанию выдающегося отечественного мыслителя XIX столетия К.Н. Леонтьева, «вместо большей солидарности ведёт к разрушению и смерти (государств, культуры)» [7, с. 425].

В этой связи глубоко убеждены, что и нынешний «украинский кризис», глубокая вовлечённость в военно-политические процессы на Украине глобалистских западных элит не в последнюю

очередь обусловлены попытками архитекторов монополярного мира превратить Украину в экспериментальную площадку по обезчеловечиванию человека и построению новой модели рабовладельческого общества XXI века.

Ярким доказательством последнего тезиса является беспрецедентные гонения, осуществляемые государственными структурами Украины и поддерживаемыми ими профашистскими формированиями в отношении крупнейшей традиционной конфессии Украины — Украинской православной церкви. При этом жертвами этноконфессиональной политики официального Киева являются также представители других традиционных конфессий. В последнее время участились нападения неонацистов на синагоги, многие нацистские преступники, совершавшие в годы Великой Отечественной войны массовые преступления против евреев и представителей других национальностей, в нарушение решений Нюрнбергского трибунала, преподносятся киевским режимом в качестве официальных героев Украины [8].

Разрушительной идеологии возрождающегося в ряде стран постсоветского

пространства нацизма и трансгуманизма необходимо противопоставить универсальную категорию соборности, которая в широком смысле выражает жертвенность и гуманность, общность цели и задач совместного исторического бытия, в том числе, людей разных национальностей и культур, основанного на взаимном уважении и поддержке.

В современной системе геополитических координат суть этой категории, по нашему мнению, ярко выражает идея воссоединения и интеграции Донбасса и Новороссии в пространство Российской цивилизации и государства. Для областей центральной и западной Украины в настоящее время в большей мере подходит идея федерализации как универсального инструмента денацификации с твёрдыми гарантиями прав русскоязычных граждан, канонического Православия и других традиционных конфессий.

Никакой механической «раздачи» территорий украинского пространства быть, конечно же, не может, в принципе. В этом случае там очень скоро возникнут базы НАТО, чего наше государство допустить не вправе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. Послесловие С.Б. Лаврова. Москва: Экспресс; 1992. 336 с.
2. Заемский В. Положительные эффекты специальной военной операции. *Международная жизнь*. 2025;6:66–69.
3. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под редакцией В.Л. Янина; Предисловие В.Л. Янина, В.А. Александрова; Послесловие и комментарии составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. Москва: Мысль; 1987. 430 с.
4. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. Москва: Изд-во МГОУ; 2010. 36 с.
5. Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. Москва: Издательство Агентства печати Новости; 1983. 432 с.
6. Лавров С. На Западе нашу страну хотят устранить как серьезного геополитического конкурента. *Международная жизнь*. 2023;8:4–11.

7. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // К.Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общая редакция, составление и комментарии Г.Б. Кремнева; вступительная статья и комментарии В.И. Косика. Москва: Республика; 1996. С. 400–431.
8. Ишин А.В. Конфессиональный разлом на Украине как проекция мирового геополитического процесса. *Проблемы постсоветского пространства*. 2023;10(3):281–289. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-3-281-289>.

REFERENCES

1. Gumilev L.N. From Rus to Russia: Essays on Ethnic History. Afterword by S.B. Lavrov. Moscow: Ekopros; 1992. 336 p. (In Russ).
2. Zaemsky V. Positive effects of a special military operation. *The International Affairs*. 2025;6:66–69 (In Russ).
3. Klyuchevsky V.O. Works: In 9 volumes. Vol. I. Course of Russian History. Part I / Edited by V.L. Yanin; Preface by V.L. Yanin, V.A. Alexandrov; Afterword and commentary compiled by V.A. Alexandrov, V.G. Zimina. Moscow: Mysl; 1987. 430 p. (In Russ).
4. Grigor'yanc V.E., Zhiltsov S.S., Ishin A.V. Federalizatsiya of Ukraine: to unity through a variety. Moscow: Publishing house of Moscow state regional university; 2010. 36 p. (In Russ).
5. Melnikov D., Chernaya L. Criminal Number 1. The Nazi Regime and Its Fuhrer. Moscow: Publishing House of the News Agency Novosti; 1983. 432 p. (In Russ).
6. Lavrov S. In the West they want to eliminate our country as a serious geopolitical competitor. *The International Affairs*. 2023;8:4–11 (In Russ).
7. Leontiev, K.N. The Average European as an Ideal and an Instrument of Global Destruction // K.N. Leontiev. East, Russia, and Slavdom: Philosophical and Political Journalism. *Spiritual Prose (1872–1891)* / General editing, compilation, and commentary by G.B. Kremnev; introductory article and commentary by V.I. Kosik. Moscow: Respublika; 1996. Pp. 400–431. (In Russ).
8. Ishin A.V. Confessional Fracture in Ukraine as a Projection of the Global Geopolitical Process. *Post-Soviet Issues*. 2023;10(3):281–289. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-3-281-289> (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин

Доктор исторических наук,
Институт «Таврическая академия» ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия; 295005, Россия, Симферополь,
проспект академика Вернадского, д.4;
a.ischin@yandex.ru

Andrey V. Ishin

Doctor of Historical Sciences,
Institute “Tavrisheskaya academy”, Crimean
Federal University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Ver-
nadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic
of Crimea, 295007, Russia;
1032185194@pfur.ru